ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ

АЛЕКСАНДР I ПАВЛОВИЧ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Александр I (1777–1825 гг.) всю жизнь мучился тем, что на трон его, по сути, возвели через убийство отца – Павла I. За свое правление он успел многое – в 1812–1814 годах одержал победу над Наполеоном, считавшимся непобедимым властелином Европы, провел реформы государственного управления, едва не принял конституцию. При нем Россия достигла вершины своего влияния в мире, тогда же взошла звезда Пушкина и многих талантливых военных и государственных деятелей. Но в последние годы царствования он мечтал отречься от трона и закончить жизнь в тишине и смирении. Своей кончиной Александр породил до сих пор не опровергнутую легенду о том, что он не умер, а ушел отшельничать, назвавшись таинственным старцем Федором Кузьмичом…

- Любовь Мельникова
  -
  - Детство и юность Александра: любимый внук императрицы
  - Женитьба Александра
  - Завещание Екатерины II
  - Цесаревич Александр при дворе Павла I: отец и сын
  - «Дней Александровых прекрасное начало»
  - Вторая семья императора
  - Роман императрицы
  - Александр I и Наполеон: начало борьбы
  - «Гроза Двенадцатого года»
  - «Царь царей», или «Император Европы»
  - Творец Священного союза
  - Конец царствования
  - Главные даты[1] жизни императора Александра I
- notes
  - 1

Пётр III Фёдорович
Император Всероссийский
(21 февраля 1728 – 17 июля 1762)

Павел I Петрович
Император Всероссийский
(1 октября 1754 – 24 марта 1801)

Мария Фёдоровна
Императрица Всероссийская
(14 октября 1759 – 24 октября 1828)

Александр I Павлович
Император Всероссийский
(12 декабря 1777 – 19 ноября 1825)

Любовь Мельникова
Император Всероссийский Александр I Павлович. 12 декабря 1777 – 19 ноября 1825

30 августа 1834 г. на Дворцовой площади Санкт-Петербурга к 20-летию победы России над наполеоновской Францией, а также лично в честь императора Александра I была открыта знаменитая Александровская колонна. Ее вершину венчала фигура ангела, образ которого современники связывали с именем императора Александра, еще при жизни получившего титул «Благословенный». Ни один император в истории России не был удостоен ни подобного титула, ни подобного памятника. Победа над Наполеоном, считавшимся величайшим военным гением мира и к моменту нападения на Россию увенчанным ореолом всемогущества и непобедимости, в общественном сознании объяснялась не только успехами нашей армии и единением всех сословий, но также Божьим Промыслом, или, другими словами, помощью, оказанной Всевышним своему помазаннику и его народу.

Фигура ангела на вершине Александровской колонны в Санкт-Петербурге. Скульптор Б. И. Орловский.

Детство и юность Александра: любимый внук императрицы

Александр родился 12 декабря 1777 г. в 10 часов 45 минут утра и почти сразу был отнят бабушкой, императрицей Екатериной II, у родителей – цесаревича Павла Петровича и великой княгини Марии Фёдоровны. Таким образом, спустя 23 года Екатерина повторила поступок императрицы Елизаветы, отобравшей у нее сына Павла. Не имев возможности в свое время в полной мере раскрыть материнскую и женственную стороны своего характера в воспитании сына, Екатерина обратила всю свою любовь и заботу на первого внука.

О рождении великого князя жителям столицы было возвещено 201 пушечным выстрелом из Петропавловской крепости и Адмиралтейства. 20 декабря в большой церкви Зимнего дворца состоялось крещение новорожденного. Обряд совершал духовник Екатерины II протоиерей Иоанн Панфилов, крестной матерью была сама государыня, а заочными крестными отцами считались император Священной Римской империи Иосиф II и прусский король Фридрих II. По желанию императрицы ребенка нарекли Александром, в честь святого Александра Невского. «Имя оказывает влияние на того, кто его носит, а это имя знаменито», – писала Екатерина II своему давнему другу по переписке, немецкому барону и дипломату Ф. М. Гримму.

Императрица Екатерина II. Художник И. Б. Лампи.

Поселив Александра в своих покоях в Царском Селе, государыня сама занялась его воспитанием в соответствии с популярными в то время в Западной Европе педагогическими теориями французских просветителей. Полагая, что тепличный уход за Павлом, обеспеченный под руководством императрицы Елизаветы Петровны, не способствовал укреплению его здоровья и психологического состояния, она решила прежде всего закалить организм внука спартанскими мерами. Маленький «господин Александр», как называла его императрица в переписке с Гриммом, спал в железной кроватке с перилами, убранной жесткими кожаными подушками. Каждое утро он принимал прохладную ванну или душ. Зимой его комната отапливалась не выше 13–14 градусов Реомюра (16,5 – 17,5 градуса Цельсия).

Великий князь Александр Павлович в детстве. Художник Ж. Л. Вуаль.

Екатерина II не только составляла правила ухода за царственным младенцем и строила планы его будущего обучения и воспитания, но даже лично моделировала для него удобную одежду. Предметом ее особой гордости было «платьице», напоминавшее по форме современный комбинезон, эскиз которого она послала Гримму, а также представителям шведского и прусского дворов. Часами играя с внуком, она внимательно следила за процессом его развития, подмечала его склонности и черты характера. Когда Александру было всего полтора года, императрица решила, что он «показывает необыкновенную для своего возраста понятливость», и вскоре начала учить с ним алфавит. В мае 1780 г. она написала для него «Бабушкину азбуку» (свод нравственных правил и изречений), которая, по ее мнению, должна была «раскрыть ум для внешних впечатлений и возвысить душу, образуя сердце». По собственному признанию, Екатерина была без ума от внука. Ее в нем восхищало все: дарования (он был очень любознателен и восприимчив), веселый нрав, поведение, внешность («прекрасен, как ангел», «хорош собою, как Амур»). Прозвище Ангел, данное Александру Екатериной, на долгое время закрепилось за ним в придворных кругах. Оно очень подходило очаровательному голубоглазому малышу с белокурыми волосами.

После рождения в апреле 1779 г. великого князя Константина, также отнятого Екатериной у несчастных родителей, Александр стал расти с младшим братом. У них были одни и те же няньки и наставники, однако особое внимание императрицы было обращено на старшего внука, в котором она с самого начала видела «будущего венценосца», продолжателя своих славных дел. «Он будет наследством, которое я завещаю России», – воскликнула она однажды, и, как показали последующие события, слова эти не были простой метафорой.

Первоначально Александр и Константин были вверены попечению генеральши С. И. Бенкендорф, гувернанткой при них состояла англичанка П. И. Гесслер, жена первого камердинера цесаревича Павла. После смерти Бенкендорф, последовавшей в сентябре 1783 г., Екатерина решила, что настало время сменить женский присмотр за внуками на мужской. Главным воспитателем великих князей она назначила генерал-адъютанта Н. И. Салтыкова. По мнению современников, этот ловкий царедворец не обладал педагогическими талантами, однако Екатерина II мотивировала свой выбор тем, что на эту должность ей нужен добронравный, честный человек, который «с детьми умел бы обходиться приятно и ласково». Большое значение для императрицы, должно быть, имело и то, что Салтыков, будучи в течение десяти лет гофмейстером великокняжеского двора, удачно выполнял роль своеобразного посредника в ее непростых отношениях с сыном. Помощниками Салтыкова в возложенном на него важном деле стали еще два воспитателя: генерал А. Я. Протасов, приставленный к Александру, и барон К. И. Остен-Сакен, определенный к Константину.

В марте 1784 г. Салтыков получил от императрицы тщательно разработанное ею «Наставление» о воспитании великих князей, состоявшее из семи разделов: здоровье и его сохранение; «подкрепление умонаклонения к добру»; добродетель и то, что от детей требуется; учтивость; поведение; знание; обхождение приставников с воспитанниками. По мнению императрицы, «главнейшую часть» образования великих князей должно было составить «познание России». Им следовало «как возможно лучше» знать русский язык, законодательство Российской империи, историю, географию и геологию своей страны. Чтобы пробудить во внуках интерес и любовь к родной земле, Екатерина сама написала для них «Записки касательно Российской истории», ставшие первой отечественной учебной книгой на эту тему.

Для изучения специальных наук императрица приставила к великим князьям целый корпус талантливых учителей, среди

которых были и известные ученые. Физику им преподавал академик Л. Ю. Крафт, естествознание и географию – академик П. С. Паллас, математику – Ш. Массон, историю и словесность – М. Н. Муравьев. «Наставником в христианском законе» и духовником Александра и Константина стал протоиерей Андрей Самборский, преподававший им также английский язык. К этому человеку, прожившему 15 лет в Лондоне, брившему бороду и носившему светскую одежду, многие современники и потомки относились с предубеждением, полагая, что он дал будущему императору лишь поверхностное религиозное образование. Согласно более позднему замечанию митрополита Московского Филарета (Дроздова), Александр в молодости (до духовного потрясения, вызванного войной 1812 года) исповедовал некое идеальное, или абстрактное, христианство, т. е. выработал в себе религию, одинаково мирившуюся со всеми вероисповеданиями и ни к одному из них не принадлежавшую.

Значительное внимание в процессе воспитания великих князей уделялось их физическому развитию. Они занимались не только танцами, фехтованием, верховой ездой и плаванием, но также столярным ремеслом, огородничеством и садоводством. Императрица с удовольствием наблюдала, как внуки копали грядки, сажали капусту, сеяли горох и ловили рыбу.

Когда Александр и Константин достигли юношеского возраста, отец стал привлекать их к военным занятиям в Гатчине. Там у цесаревича были созданы особые войска, одетые в форму прусского образца и хорошо вышколенные. Братьям нравились эти занятия, они часто и с удовольствием произносили фразу: «Это по-нашему, по-гатчински». Несмотря на то, что от гула пушек Александр в юности практически оглох на левое ухо, увлечение армией и страсть к парадам остались у него на всю жизнь. В Гатчине Александр познакомился и подружился с А. А. Аракчеевым, профессиональным артиллеристом, бесконечно преданным его отцу. Для неопытного юноши он стал превосходным учителем армейского дела, а нередко и спасителем от гнева раздражительного Павла Петровича.

Из всех наставников наибольшее влияние на формирование личности нашего героя оказал швейцарец Ф. С. Лагарп. Впоследствии, уже будучи императором, Александр неоднократно повторял при различных обстоятельствах и с некоторыми вариациями: «Всем, чем я являюсь, я обязан швейцарцу». При русском дворе Лагарп появился благодаря стечению случайных обстоятельств. В 1782 г. по рекомендации Ф. М. Гримма он сопровождал в поездке по Италии И. Д. Ланского, младшего брата фаворита Екатерины II А. Д. Ланского, после чего получил

приглашение императрицы посетить Санкт-Петербург и нанести ей визит. Оценив «добропорядочность, благоразумие и рассудительность» Лагарпа, в сентябре 1784 г. Екатерина назначила его преподавателем французского языка к великому князю Александру. Видимо, уже тогда она задумывалась и о дальнейших перспективах для швейцарца, ибо писала Гримму, что держит его про запас.

Павел Петрович и Мария Фёдоровна с детьми Александром и Константином. Художник К. Хойер.

В июне 1784 г. при посредничестве Н. И. Салтыкова Лагарп передал Екатерине записку с изложением его взглядов на то, чему и как надо учить великих князей: «Будущий правитель не должен быть ни физиком, ни натуралистом, ни математиком, ни географом, ни филологом, ни юристом… Но он должен быть честным человеком и просвещенным гражданином и знать преподаваемые ему предметы настолько, чтобы понимать их настоящую цену и иметь ясное сознание обязанностей, лежащих на монархе, в руках которого счастье и несчастье многих миллионов». Записка чрезвычайно понравилась императрице, решившей, что ее автор «способен преподавать не один только французский язык».

С сентября того же года Лагарп стал заниматься с великими

князьями историей, правом и литературой. Будучи убежденным республиканцем, сторонником идей французского Просвещения, он старался привить своим ученикам уважение к правам человека. Лагарп утверждал, что лучшей формой государственного устройства для современного общества является республика или конституционная монархия, что крепостное право должно быть непременно уничтожено. Юный Александр жадно впитывал эти либеральные идеи, несмотря на то, что они имели мало общего с российской действительностью того времени. Контраст между системой преподавания Лагарпа и реальным предназначением российского самодержца неоднократно подчеркивали и современники, и исследователи. В частности, басня И. А. Крылова «Воспитание льва» (1811), где орел обучает львенка, наследника царя зверей, искусству вить гнезда и прочим птичьим премудростям, считается намеком на воспитание Александра Лагарпом. Мораль басни гласит: «Важнейшая наука для царей: знать свойство своего народа и выгоды земли своей».

Лагарп сыграл значительную роль в формировании не только мировоззрения Александра, но также его характера и манеры поведения. Например, он старался внушить великому князю, что монарх «не может иметь истинных друзей», так как его привязанность будет неизбежно обращаться приближенными во зло. Эта осторожность, посеянная Лагарпом в душе воспитанника, со временем переросла в подозрительность и дала повод многим современникам упрекать Александра в двуличии и отсутствии искренности. В исторической литературе данная черта Александра объясняется, как правило, тем сложным положением, в которое поставила его взаимная неприязнь Екатерины II и Павла Петровича. Необходимость поддерживать хорошие отношения с обоими, постоянно лавируя между ними, создала почву для двойственности и притворства.

Наконец, изысканная манера Александра держаться походила на хорошо усвоенное наставление Лагарпа, согласно которому «император должен иметь вид». По словам камер-пажа П. М. Дарагана, поведению Александра была свойственна некоторая театральность. Мемуарист отмечает его «мерный, твердый шаг», «картинное отставление правой ноги», «держание шляпы так, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица от галуна кокарды». «Впрочем, – добавляет он, – все это шло к нему, всем этим любовались». Производить впечатление на окружающих Александру было совсем несложно. Природа наградила его великолепной внешностью. Он был высок, красив, грациозен, приятен в обращении. По словам графини В. С.

Шуазель-Гуфье, его голубые «несколько прищуренные глаза» имели «ласковое выражение», «красивые губы» украшала «особая улыбка» и даже «сутуловатость фигуры, безобразившая подражателей ему, у Александра увеличивала благоприятное впечатление».

Сближение Александра с Лагарпом, усиливавшееся с течением времени, не пошатнуло при этом позиции Н. И. Салтыкова, остававшегося главным воспитателем великого князя вплоть до его женитьбы в 1793 г. Сохранившаяся переписка юного Александра с Салтыковым не оставляет сомнений в близости и доверительности их отношений. В частности, великий князь откровенно признавался воспитателю в своих проступках на уроках (невнимании, нетерпеливости и др.) и неоднократно просил его выступить посредником между ним и строгим Лагарпом, порой удалявшим его с занятий. В 1790 г. в знак признания заслуг Екатерина II даровала Салтыкову титул графа. В 1814 г. Александр возвел бывшего воспитателя в княжеское достоинство.

Что касается Лагарпа, то в 1795 г. он отбыл на родину, получив от Екатерины II отставку, чин полковника, жалованье, пенсион и тысячу червонцев на дорогу. Расстроенный Александр передал ему свой портрет, украшенный алмазами, и прощальное письмо, полное любви, благодарности и сожаления. Императрица собиралась уволить швейцарца сразу после женитьбы старшего внука, но ходатайство Салтыкова помогло ему добиться небольшой отсрочки. С отъездом Лагарпа целенаправленный процесс воспитания и образования Александра закончился. Екатерина полагала, что совершеннолетний и женатый великий князь уже подготовлен к предстоявшему ему высокому поприщу и может заняться практической деятельностью при дворе. Некоторое время он продолжал самостоятельно заниматься по плану, составленному для него Лагарпом, хотя ему было довольно сложно совмещать это с возложенными на него обязанностями, а главное – с самим стилем и ритмом придворной жизни. Багаж знаний, полученных Александром в детстве и юности, а также систематическое чтение в течение всей жизни позволили ему впоследствии блистать эрудицией в самых утонченных салонах Европы.

Женитьба Александра

Поиски невесты для любимого внука Екатерина II начала в начале 1790-х гг., когда Александр, по словам А. Я. Протасова, вступил в период «развития страстей», т. е. достиг полового созревания. По мнению императрицы, ранняя женитьба великого князя должна была способствовать укреплению династии, а также была призвана оградить его от излишнего внимания представительниц прекрасного пола. «Предвижу для него одну опасность – это женщины, потому что за ним будут гоняться, и нельзя ожидать, чтоб оно было иначе, так как у него наружность, которая все расшевеливает», – писала она Ф. М. Гримму в сентябре 1790 г.

Графу Н. П. Румянцеву, аккредитованному при немецких княжествах, было поручено собрать сведения о всех принцессах, бывших тогда в подходящих летах для бракосочетания. Внимание императрицы привлекла третья дочь маркграфа Баден-Дурлахского Карла-Людвига и его супруги Амалии-Фредерики принцесса Луиза-Мария-Августа, которая была чрезвычайно хороша собой и получила прекрасное образование: говорила и писала на французском и немецком языках, изучала историю, географию, философию, немецкую и всемирную литературу. Рассматривалась также кандидатура ее младшей сестры Фредерики-Доротеи, так как Александр, по мнению бабушки, должен был получить возможность выбора.

Великий князь Александр Павлович. Художник Ж. Л. Вуаль.

31 октября 1792 г. по приглашению Екатерины II 13-летняя принцесса Луиза и 11-летняя Фредерика приехали в Санкт-Петербург, чтобы познакомиться с Россией и ее обычаями. Александр в то время еще не был посвящен в планы бабушки. «Наш же малый об этом не помышляет, обретаясь в невинности

сердечной; а я поступаю с ним по-дьявольски, потому что ввожу его во искушение», – в тот же день писала императрица Гримму.

С первых же дней пребывания баденских принцесс в Петербурге стало ясно, какая из сестер одержит верх. Луиза очаровала весь двор грацией, белокурыми волосами, большими голубыми глазами и умением достойно держаться. «Старшая показалась мне прелестною, – писала великая княгиня Мария Фёдоровна, – она не только хороша собой, но во всей ее фигуре есть особенная привлекательность, которая в состоянии возбудить любовь к ней и в самом равнодушном существе. Она чарует своей обходительностью и тем чистосердечием, которым дышат все черты ее лица. У младшей личико веселенькое, умненькое, но она еще дитя».

При первой встрече с принцессами, состоявшейся 2 ноября, Александр вел себя очень робко и только молча смотрел на Луизу. Вскоре между ними возникло понимание и взаимная симпатия. Они стали больше времени проводить вместе, а также обмениваться трогательными записками, в которых обещали любить друг друга «всю свою жизнь».

В декабре Екатерина II отправила в Карлсруэ курьера с письмом к родителям Луизы, в котором от имени Александра просила их согласия на ее брак с ним. Согласие было немедленно получено, и девушка приступила к изучению русского языка и догматов православной веры. В январе 1793 г. она писала матери, беспокоившейся не только о блестящей партии, но и о личном счастье дочери: «Вы спрашиваете, нравится ли мне великий князь по-настоящему. Да, мама, он мне нравится. Одно время нравился безумно, но сейчас, когда я начинаю узнавать его…становятся заметны кое-какие мелочи…которые мне не по вкусу и не дают любить его столь чрезмерно, как прежде… Эти мелочи касаются не характера, с этой стороны, я уверена, его не в чем упрекнуть, а скорее манер, чего-то внешнего». Проницательные придворные вскоре обратили внимание на то, что по манерам, умению вести себя Луиза действительно несколько превосходила Александра, что немного уязвляло его. Возможно, это создало залог для возникших между ними впоследствии осложнений. Но вначале ничто не омрачало зарождавшейся идиллии.

9 мая 1793 г. в большой церкви Зимнего дворца состоялось миропомазание Луизы, нареченной в православии Елизаветой Алексеевной. На следующий день произошло обручение Александра и Елизаветы, причем кольца им надевала сама Екатерина. Облик юной четы (жениху в то время было 15 лет, невесте – 14) вызывал у очевидцев умиление и ассоциацию с «двумя ангелами» или героями древнегреческих мифов. Ведущий

поэт того времени Г. Р. Державин на сговор молодых откликнулся стихотворением «Амур и Психея». 28 сентября состоялось бракосочетание Александра и Елизаветы. По этому случаю в столице три дня стоял колокольный звон, празднества продолжались две недели и закончились грандиозным фейерверком на Царицыном лугу.

Молодые получили роскошные покои и небольшой собственный двор, гофмейстером которого был назначен граф Н. Н. Головин, а гофмейстериной – графиня Е. П. Шувалова. Однако, согласно критическому замечанию графа Ф. В. Ростопчина, выбор лиц к этому двору за исключением нескольких человек оказался «весьма неудачен». Особенно раздражала многих Шувалова, по выражению А. Я. Протасова, «женщина пронырливая», «чуждая не только добродетели, но и благопристойности». Она постоянно обращала внимание Елизаветы на отдельные недостатки и ошибки Александра, в результате чего оба они вскоре возненавидели «проклятую графиню». К тому же по приказу Екатерины Шувалова, контролировавшая визиты молодых супругов, старалась максимально ограничить их встречи с Павлом Петровичем и Марией Фёдоровной, что очень огорчало Александра, видевшего родителей теперь еще реже, чем прежде. Елизавета Алексеевна, лишившаяся общества сестры, вернувшейся в Карлсруэ, скучала по родным, особенно по матери, с которой на протяжении всей своей жизни вела обширную и откровенную переписку, подробно рассказывая не только о происходивших событиях, но и о переполнявших ее эмоциях.

Великая княгиня Елизавета Алексеевна. Неизвестный художник.

Как уже упоминалось, некоторое время Александр продолжал занятия с Лагарпом, к которым теперь присоединилась и старательная Елизавета. Однако основным времяпрепровождением супругов были различные празднества, балы, спектакли и концерты.

Почувствовав себя взрослым после женитьбы, Александр стал часто проводить вечера в компании молодых дворян, забавляясь и злоупотребляя винами и ликерами, но бдительному А. Я. Протасову удалось пресечь это, не дав перейти в пагубную

привычку. Время от времени молодая чета становилась мишенью для придворных интриг. Например, Елизавете Алексеевне пришлось противостоять настойчивым ухаживаниям бывшего фаворита императрицы П. А. Зубова, слишком откровенно демонстрировавшего свою влюбленность. Тем не менее первые годы супружества, прошедшие в правление Екатерины II, стали самыми счастливыми для Александра и Елизаветы. В дальнейшем их отношения подверглись целому ряду испытаний и разочарований.

Завещание Екатерины II

В последние годы жизни Екатерина намеревалась изменить порядок престолонаследия, передав власть Александру в обход цесаревича Павла. Императрица не любила собственного сына. Будучи разлучена с ним в его ранние детские годы, она и в дальнейшем не смогла дать ему материнской нежности и ласки. Взойдя на трон в результате дворцового переворота 1762 г., уничтожившего отца Павла императора Петра III, Екатерина, видимо, опасалась, что со временем цесаревич может стать орудием нового заговора, направленного против нее самой, и потому относилась к нему с подозрением и предубеждением. Воспитанный как наследник престола, но слишком долго ждавший власти Павел обладал непростым характером. По его собственным словам, он был горяч, нетерпелив и имел «изменчивое расположение духа». Периоды подавленного настроения чередовались у него с приступами гнева и раздражения, что позволило Екатерине убедить себя в его неадекватности.

Медаль на бракосочетание Александра и Елизаветы. 1793 г.

Идеальным выходом из сложившейся ситуации императрице представлялось добровольное отречение Павла в пользу Александра. Не рискнув обратиться с этим к сыну напрямую, Екатерина попыталась действовать через невестку. 6 июля 1796 г., сразу после крещения новорожденного великого князя Николая Павловича, когда цесаревич уехал в Павловск, а Мария Фёдоровна задержалась в Царском Селе, императрица

предложила ей убедить мужа подписать акт отречения в пользу старшего сына. Однако великая княгиня категорически отказалась и ничего не сказала Павлу о намерениях его матери. Тем не менее Павел не остался в неведении: придворные интриги и слухи сделали свое дело.

Великий князь Павел Петрович. Художник А. Рослин.

Екатерина II, не привыкшая сдавать своих позиций, решила подготовить и обнародовать манифест о назначении наследником престола великого князя Александра Павловича. Согласно действовавшему в то время закону 1722 г., российские государи имели право назначить себе преемника по собственному усмотрению, невзирая на старинное право первородства, а также отрешить от престола уже назначенного наследника, если он окажется неспособным. В 1794 г. императрица уже обсуждала этот вопрос со своими ближайшими советниками, ссылаясь на «нрав и неспособность» Павла, однако, встретив с их стороны сдержанное и даже довольно негативное отношение к своему плану, решила на некоторое время приостановить его реализацию. Отложить тогда пришлось и разговор с Александром, согласие которого было необходимо для осуществления задуманного переворота, ибо Лагарп, на чье посредничество рассчитывала императрица, предпочел не быть замешанным в этом деле и сделал вид, что в течение двухчасовой беседы с Екатериной так и не понял, чего именно от него ожидают.

Великая княгиня Мария Фёдоровна. Неизвестный художник.

11 сентября 1796 г. 67-летняя Екатерина перенесла первый легкий приступ инсульта, спровоцированный срывом помолвки великой княжны Александры Павловны со шведским королем Густавом IV. Немного оправившись, она решила, что больше не может откладывать решение вопроса об изменении порядка престолонаследия, который считала важной государственной необходимостью. Императрицу не устраивал не только нрав цесаревича. Она боялась, что сын, страстно увлекавшийся прусской парадоманией, процветавшей в Гатчине, не сможет обеспечить преемственность курса российской политики и отодвинет страну к временам Петра III.

16 сентября Екатерина начала непосредственные переговоры с Александром. Выслушав аргументы императрицы и ознакомившись с представленными бумагами, 24 сентября великий князь дал письменный ответ, достаточно уклончивый по форме, но все же положительный по содержанию. Он выражал «живейшую благодарность» за то доверие, которым его «соблаговолили почтить», находил «как нельзя более справедливыми» сообщенные ему соображения и отмечал, что осознает «все значение» оказанной ему милости. При этом буквально за день до ответа императрице в одном из писем А. А. Аракчееву, касавшемся служебных дел гатчинских войск,

Александр назвал цесаревича «Его императорским величеством». Наличие двух противоположных по смыслу писем, почти одновременно вышедших из-под пера великого князя, свидетельствует о том, что в деле о престолонаследии он повел себя двойственно, что было вызвано крайне сложной семейной обстановкой. Александр не мог отказать бабушке, здоровье которой недавно подверглось сильному потрясению. В то же время он не хотел лишать отца законного права на трон. Более того, в тот период Александр вообще не стремился к власти. В доверительных письмах к друзьям Ф. С. Лагарпу и В. П. Кочубею, написанных как раз в 1796 г., он выражал свое сокровенное желание: отказавшись от престола, провести жизнь частного человека где-нибудь на берегах Рейна.

Великие князья Александр и Константин Павловичи. Художник И. Б. Лампи.

Трудно сказать, как сложились бы обстоятельства, если бы Екатерина II прожила еще хоть несколько месяцев. Однако 5 ноября 1796 г. императрицу поразил апоплексический удар (инсульт), от которого она впала в кому, а на следующий день скончалась. Павел, узнав о критическом состоянии матери, немедленно прибыл из Гатчины в Зимний дворец. Он приказал собрать и опечатать личные бумаги императрицы, а сразу после ее смерти уничтожил те из них, что имели отношение к отстранению его от престола. В свою очередь, Александр не

только не попытался получить эти таинственные документы до приезда отца, но сам послал за ним Ф. В. Ростопчина, а затем, как и Константин, встретил его в гатчинском мундире, демонстрируя верноподданность.

Тем не менее попытка Екатерины поставить Александра между Павлом и троном проложила глубокую трещину в прежде неплохих отношениях отца и сына. В дальнейшем подозрительный Павел продолжал видеть в нем соперника, а Александр поневоле стал знаменем сформировавшейся вскоре оппозиции.

Цесаревич Александр при дворе Павла I: отец и сын

Вступив на престол, Павел с упоением предался процессу законотворчества и регламентации российской жизни. Новые манифесты и указы выходили практически каждый день. За четыре года его царствования было издано 2179 законодательных актов, всего в два раза меньше, чем за 34-летний период правления Екатерины II. Одними из первых мер стали перезахоронение останков Петра III из Александро-Невской лавры в Петропавловский собор, произведенное во время погребения Екатерины II, и издание акта о порядке престолонаследия, установившего преимущество для потомков мужского пола, обладавших правом первородства. Этот закон, обнародованный 5 апреля 1797 г., в день коронации Павла I, был призван не только обосновать легитимность его собственного правления, но также исключить в будущем саму возможность отстранения от престола законных наследников. Как и в случае с перезахоронением праха своего отца, воспринятым многими современниками и потомками как оказание возмездия царствованию матери, Павел руководствовался здесь разными мотивами, в том числе врожденным чувством справедливости и личным пониманием чести и долга.

Ставший цесаревичем Александр получил содержание в 500 тысяч рублей в год и был назначен на ряд почетных должностей: шефом лейб-гвардии Семеновского полка, военным губернатором Санкт-Петербурга, инспектором по кавалерии Санкт-Петербургской и Финляндской дивизий. В 1799 г. он стал членом Сената. Александр нес изнурительную службу, выполняя наравне с другими подданными жесткие и подчас мелочные требования Павла I. В подготовке личного состава Семеновского полка и составлении для императора ежедневных рапортов о происшествиях в столице цесаревичу негласно помогал А. А. Аракчеев, что способствовало укреплению между ними доверительных отношений.

27 сентября 1797 г. в одном из самых откровенных писем Лагарпу, переданном неофициальным путем, Александр описывал свое душевное состояние и делился впечатлениями от правления отца. Он называл себя «самым несчастным человеком», вынужденным терять «все свое время на выполнение обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться научным занятиям». «Мой отец, – писал

он, – по вступлении на престол захотел преобразовать все решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им».

К блестящим шагам Павла I можно отнести его манифест о вступлении на престол, ограничивший барщину тремя днями в неделю и запретивший дворянам принуждать крестьян к работам в воскресные и праздничные дни, освобождение из-под ареста Н. И. Новикова и Т. Костюшко, возвращение из ссылки А. Н. Радищева. Непопулярными мерами стали военная реформа, сопровождавшаяся введением униформы прусского образца и слиянием гатчинских войск с гвардией, что оскорбило старых гвардейцев, а также разрешение применять к дворянам телесные наказания, противоречившее екатерининской «Жалованной грамоте». Стремясь навести порядок в государстве, Павел прекратил практику записи дворянских детей в полки с рождения, заставил гвардейских офицеров вернуться в казармы, а чиновников – по часам ходить в присутствие. Отправление в отставку или ссылку екатерининских вельмож воспринималось в обществе как произвол, а борьба с французским влиянием, выразившаяся в запрещении танцевать вальс, носить фраки, круглые шляпы, шейные платки и косынки, – как деспотизм и самодурство.

Уже через год после вступления Павла I на престол Александр, не разделявший методов правления отца, начал задумываться о собственном видении власти. В упомянутом письме Лагарпу от 27 сентября 1797 г. он писал, что его планы отречься от престола и покинуть родину остались в прошлом, и он решил, когда придет его «черед царствовать», посвятить себя задаче «даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкою в руках каких-либо безумцев». Под свободой Александр имел в виду конституцию. Здесь же цесаревич признавался, что поделился своими мыслями «с людьми просвещенными, со своей стороны много думавшими об этом»: польским князем А. Чарторыйским, графом П. А. Строгановым и Н. Н. Новосильцевым.

С этими людьми, принадлежавшими к элите петербургского общества, Александр сблизился еще при Екатерине. С 1797 г. они стали регулярно собираться вместе, образовав так называемый кружок «молодых друзей». В 1798 г. к ним присоединился вернувшийся в Петербург из Константинополя В. П. Кочубей, также знакомый Александру ранее. Пятерка интеллектуалов вела либеральные беседы и мечтала о государственных реформах. Чарторыйский вспоминает, что по поручению великого князя он даже составил проект манифеста на случай его восшествия на

престол, в котором говорилось о «неудобствах образа правления, существовавшего дотоле в России, и о всех выгодах другого, который Александр намеревался ей даровать».

Вероятно, Павлу I стало известно о настроениях старшего сына и проводимых им конспиративных заседаниях, так как вскоре почти все «молодые друзья» цесаревича под благовидным предлогом были удалены из столицы. Назначение Чарторыйского российским послом в Сардинском королевстве 18 мая 1799 г. совпало по времени с рождением у Александра и Елизаветы дочери Марии. При дворе давно уже ходили слухи о романе великой княгини с князем Адамом, разговоры же о внешнем сходстве с ним новорожденной девочки только усилили гнев Павла. К несчастью родителей, обладавший слабым здоровьем ребенок умер в возрасте 14 месяцев.

После разгрома оппозиционного кружка «молодых друзей» подозрительность Павла I и его недоверие к членам своей семьи усилились. Для характеристики отношений императора с цесаревичем чрезвычайно показательна история, получившая широкое хождение в обществе. Рассказывали, что однажды, войдя в спальню Александра, Павел увидел у него на столе трагедию Вольтера «Брут», кончавшуюся убийством Цезаря, после чего показал сыну указ Петра I о казни царевича Алексея.

Однако реальная опасность подстерегала императора не со стороны «молодых друзей» Александра. В 1798–1799 гг. группа оппозиционно настроенных офицеров и сановников, задумывавшихся о проведении дворцового переворота, стала формироваться вокруг графа Н. П. Панина, племянника бывшего воспитателя Павла Н. И. Панина. Среди них были адмирал О. М. де Рибас, английский посол лорд Ч. Уитворт, братья Валериан, Платон и Николай Зубовы, их сестра О. А. Жеребцова. В 1800 г. почти все они были высланы из Санкт-Петербурга, после чего за реализацию задуманного заговора взялся граф П. А. Пален, дальний родственник Панина.

На деньги, полученные из министерства иностранных дел Великобритании, Пален осуществлял подкуп лиц, приближенных к императору, которые смогли добиться возвращения из ссылки ряда опальных офицеров, в том числе генерала Л. Л. Беннигсена, братьев Зубовых и князя В. М. Яшвиля, ставших впоследствии активными участниками дворцового переворота. Вряд ли британский кабинет был инициатором заговора, но он оказывал ему финансовую поддержку, так как негативно оценивал внешнюю политику Павла I в Средиземноморье и на Мальте и особенно союз с Наполеоном Бонапартом от 2 января 1801 г., предусматривавший экспедицию Донского казачьего корпуса

против британской армии в Индии.

Заговорщикам было необходимо заручиться согласием Александра, без чего все их планы превращались в ничто. С этой целью они распространяли при дворе слухи о «сумасшествии» Павла I, о его намерении «уничтожить династию» и провозгласить наследником престола 13-летнего племянника Марии Фёдоровны принца Евгения Вюртембергского. О планируемом дворцовом перевороте Александр впервые услышал от Панина в 1800 г., однако этот осторожный разговор закончился безрезультатно. Палену, вернувшемуся к данной теме, цесаревич также не дал определенного ответа. С одной стороны, Александр действительно считал отстранение Павла от власти государственной необходимостью, с другой – не хотел участвовать в этом лично и не желал отцу смерти. Столь молчаливая позиция цесаревича, охарактеризованная Паленом как «он знал – и не хотел знать», развязала руки заговорщикам, которые решили действовать его именем.

За несколько дней до роковых событий Пален, бывший тогда санкт-петербургским военным губернатором, подтвердил неожиданно узнавшему о заговоре Павлу I то, что его старшие сыновья и императрица Мария Фёдоровна якобы злоумышляют против него, а также заявил, что держит ситуацию под контролем. Шокированный император подписал указ об аресте великих князей и императрицы, поручив исполнить его, когда тот сочтет своевременным. Эта бумага позволила Палену поставить Александра перед окончательным выбором: престол или темница и даже смерть. Цесаревич дал согласие на действия по свержению Павла с престола, заручившись клятвенным обещанием сохранить ему жизнь. «Я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что они не исполнятся, – вспоминал позже Пален. – Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее». Понимал ли это Александр? Возможно, что в глубине души догадывался. Однако он старался верить в нерушимость данного ему слова и надеялся на благополучный исход. Современница событий княгиня Д. Х. Ливен отмечала в своих воспоминаниях: «Неопытность могла заставить Александра поверить таким обещаниям…Для всякого, кто знал ангельскую чистоту характера Александра, не может быть никаких сомнений в том, что дальше благонамеренных пожеланий его воображению ничто другое и не рисовалось».

Цесаревич сам назначил дату дворцового переворота – ночь на 12 марта 1801 г., когда Михайловский замок, куда чуть больше месяца назад перебралась императорская семья, должен был охранять преданный ему Семеновский полк. В ту роковую ночь он

не ложился и ждал известий. Узнав о жестоком убийстве отца, Александр был буквально раздавлен горем и угрызениями совести. По свидетельству очевидцев, он потерял сознание, а, придя в себя, долго и безутешно рыдал. Тогда Пален жестоко бросил ему в лицо: «Полноте ребячиться. Ступайте царствовать!» Взяв себя в руки, Александр появился перед гвардией и произнес знаменитую фразу: «Батюшка скончался апоплексическим ударом, все при мне будет, как при бабушке».

Александр оказался не готов к тому, чтобы нести на себе тяжесть двойного греха: отцеубийства и цареубийства. Чувство вины, от которого, по его словам, «нет лекарств», терзало его до конца дней. Отныне все свое царствование он думал о заплаченной за него цене и старался доказать себе и окружающим, что принесенная жертва не была напрасной.

«Дней Александровых прекрасное начало»

Гибель Павла I повергла в отчаяние не только Александра, но и Марию Фёдоровну, едва не обезумевшую от горя в ту злополучную мартовскую ночь. В первые дни своего царствования государь наделил мать привилегированным титулом вдовствующей императрицы и выделил ей солидные средства, благодаря чему она вскоре смогла содержать собственный блистательный двор. Александр искренне любил свою мать, к тому же, несомненно, чувствовал себя виновным в том, что она лишилась мужа-императора, к которому испытывала чрезвычайную привязанность. Новое положение Марии Фёдоровны отодвинуло на второй план императрицу Елизавету Алексеевну. В ходе официальных придворных церемоний Александр, как правило, подавал руку матери, а его супруга следовала за ними в одиночестве. За столом вдовствующая императрица неизменно занимала почетное место по правую руку от царя.

Лагарп откликнулся на воцарение Александра следующим письмом: «Я вовсе не поздравляю Вас с тем, что Вы стали властителем 36 миллионов человек, но вместе с ними радуюсь, что судьба их отныне в руках государя, убежденного, что права человека не пустая иллюзия».

Не поздравлял себя и сам Александр. По словам вернувшегося ко двору А. Чарторыйского, коронационные торжества, состоявшиеся 15 сентября 1801 г., стали для мучившего себя упреками императора «источником сильнейшей грусти», «у него бывали минуты такого страшного уныния, что боялись за его рассудок».

Печальные обстоятельства, сопровождавшие вступление на престол 23-летнего императора, вероятно, стали одной из причин того, что он постарался максимально ограничить роскошь своего двора. Мария Фёдоровна, полагавшая, что «блеск» и «сказочное величие» самодержавия укрепляют его авторитет в народе, неоднократно упрекала сына за эту простоту. Интересно свидетельство французского посла Р. Савари о том, что «царскую обстановку» в Санкт-Петербурге можно найти только у вдовствующей императрицы. Мария Фёдоровна, всегда тяготевшая к придворному этикету, оставалась верной себе до конца.

Несмотря на отказ от «блеска» и «сказочного величия»,

Александр вскоре приобрел практически всеобщую любовь своих подданных. Этому способствовали, разумеется, не только личное обаяние императора и свойственная ему легкость в обращении с окружающими, но и проведенные им либеральные реформы, позволившие А. С. Пушкину назвать начало его правления прекрасным.

Первые шаги молодого императора свидетельствовали о решительном разрыве с предыдущим царствованием. Были восстановлены упраздненные Павлом I привилегии дворянства, возвращены из отставки около 12 тысяч офицеров и чиновников, амнистированы политические заключенные, уничтожена Тайная экспедиция. Новый государь снял запреты, относившиеся к одежде, разрешил свободный выезд за границу и ввоз иностранных книг.

Практически сразу Александр отозвал Донской казачий корпус В. П. Орлова, отправленный Павлом I в поход на Индию в помощь армии Наполеона Бонапарта, в июне 1801 г. нормализовал отношения с Англией, разорванные при его отце, и вскоре начал переговоры с Францией, но уже не о союзе, а о мире.

Александр I у бюста Екатерины II. Художник В. Л. Боровиковский.

В Манифесте о вступлении Александра на престол, как и в первом обращении императора к гвардии, декларировалась преемственность с политикой Екатерины II: новый государь

принимал на себя обязанность управлять народом «по законам и по сердцу» своей «августейшей бабки». Определенная преемственность курса, конечно, существовала. Но вместе с тем у Александра было свое представление о власти, подразумевавшее проведение в жизнь задуманных им прежде преобразований. Кроме того, на политику императора первое время пытались влиять две придворные группировки, называемые в исторической литературе «екатерининскими стариками» и «заговорщиками», между которыми, впрочем, не существовало четких границ. Не без влияния сановной аристократии 30 марта 1801 г. был учрежден Непременный совет в качестве совещательного органа при императоре. Отныне в нем должны были обсуждаться все законодательные инициативы, исходящие от монарха. 5 июня 1801 г. Александр взял под свой непосредственный надзор Комиссию для составления законов, созданную Павлом I для кодификации российского законодательства. В тот же день вышел указ Сенату «о сочинении особого доклада о правах и обязанностях его», где объявлялось желание императора восстановить и возвысить роль этого старейшего учреждения России. Эти меры свидетельствовали о том, что новый государь придавал первостепенное значение верховенству закона. Не случайно на медали, выпущенной в честь коронационных торжеств, был изображен столб с табличкой «Закон» и надписью по кругу: «Залог блаженства всех и каждого».

Спустя три месяца после вступления на престол император удалил из столицы практически всех участников заговора и снова собрал вокруг себя своих единомышленников: А. А. Чарторыйского, П. А. Строганова, В. П. Кочубея и Н. Н. Новосильцева, которые летом 1801 г. составили так называемый Негласный комитет – неофициальный орган, принявший участие в разработке и обсуждении первых реформ. Они регулярно проводили заседания под председательством Александра I, в шутку именуя свой кружок «Комитетом общественного спасения». Подобное сравнение членов Негласного комитета с деятелями Французской революции возникло и в окружении Марии Фёдоровны, где их называли «якобинской шайкой».

Заседания продолжались около четырех лет, но «молодые друзья», чрезвычайно увлекавшиеся политическими дискуссиями, так и не смогли выработать четкий план государственных преобразований. Строганову, подробно фиксировавшему в своих дневниках ход всех собраний, удалось привести в систему разрозненные и не слишком ясные высказывания Александра и в самых общих чертах сформулировать основную задачу – определить права граждан, реформировать «бесформенное здание

государственной администрации» и ограничить пределы власти императора, что исключило бы в будущем возможность менять законы «по произволу».

Молодые советники императора, долго прожившие за границей, плохо знали Россию, которую собирались реформировать с опорой на европейский политический опыт. Правда, осознавая это, они прибегали к советам графа А. Р. Воронцова, Н. С. Мордвинова и некоторых других государственных деятелей екатерининской эпохи. Ситуация также осложнялась тем, что среди членов Негласного комитета не было полного единодушия во взглядах. Строганов стоял на позиции открытого конституционализма. Остальные выступали исключительно за создание стройной централизованной системы государственного управления, основанной на главенстве закона. При этом все они полагали, что Александр должен как можно дольше сохранять неограниченную самодержавную власть, поскольку это является гарантией успешного проведения преобразований. Даже убежденный республиканец Лагарп, приехавший в Санкт-Петербург в августе 1801 г., изменил свое отношение к государственному строю России. Он заявил Александру I, что вверенная ему страна лишь в отдаленном будущем будет готова к принятию конституции, а в настоящее время она соответствует «просвещенной монархии», где первоочередными задачами являются развитие образования, судебная реформа и кодификация законов.

Все это заставляло колебаться Александра, который был еще очень молод и неопытен, но при этом осознавал свою ответственность за судьбу империи и боялся наломать дров. Результатом этих колебаний стало, в частности, решение императора не обнародовать во время коронационных торжеств «Жалованную грамоту российскому народу», работа над которой велась в течение нескольких месяцев. Этот документ, основанный на французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. и призванный стать коренным законом страны, предусматривал предоставление гражданам прав личной и имущественной неприкосновенности и демократических свобод (слова, вероисповедания и др.). Александр решил действовать осторожно и постепенно, сосредоточившись на разработке отдельных частных мер и указов, касающихся экономики, государственного управления и образования.

Важное значение император придавал поиску путей ликвидации крепостного права, которое считал неприемлемым явлением. Первая попытка Александра прикоснуться к этому вопросу состоялась еще в апреле 1801 г., когда в Непременный

совет был внесен проект указа, запрещавшего продажу крепостных крестьян без земли. Члены совета категорически отвергли предлагаемую меру, полагая, что она может быть воспринята крестьянами как «уменьшение или совершенное уничтожение прав помещичьих». Александр, лично приехавший на повторное слушание, не смог сломить сопротивление сановников и смирился с неудачей. Он ограничился тем, что 28 мая 1801 г. запретил публиковать в ведомостях объявления о продаже людей, которые заменились сообщениями об отпуске крепостных в услужение, что, по существу, ничего не меняло.

Иллюминация на Соборной площади в честь коронации императора Александра I. Художник Ф. Я. Алексеев.

12 декабря 1801 г. был издан указ, предоставивший купцам, мещанам, государственным и удельным крестьянам право на покупку ненаселенных земель. Он имел определенное значение, так как нарушал дворянскую монополию на владение землей. Наиболее же важной мерой на пути к освобождению крестьян стал указ Александра I о свободных (вольных) хлебопашцах от 20 февраля 1803 г., разрешивший освобождение крепостных крестьян не поодиночке, как это было ранее, а целыми селениями или отдельными семействами с обязательным наделением их землей за выкуп по обоюдному согласию крестьян с помещиком. Эта идея принадлежала графу С. П. Румянцеву, обратившемуся к императору с соответствующей просьбой. Непременный совет на

этот раз одобрил законопроект, предложив, однако, во избежание превратных толков издать не общее положение, а частный указ на имя С. П. Румянцева, разрешающий помещикам следовать его примеру. Принцип добровольности подобных решений, вызванный стремлением императора соблюсти законное право дворян на частную собственность, привел к тому, что практическая реализация указа оказалась незначительной. За все время правления Александра I в вольные хлебопашцы были переведены менее 50 тысяч крепостных. Помещики экономически не были заинтересованы в освобождении своих крестьян и ведении хозяйства с применением вольнонаемного труда.

В первое десятилетие своего царствования Александр I провел реорганизацию центральных органов государственного управления, которые с небольшими изменениями просуществовали до 1917 г. Преобразования были призваны ликвидировать неопределенность и смешение функций высших учреждений.

8 сентября 1802 г. был издан указ о правах и обязанностях Сената. Его проект разрабатывался и обсуждался поэтапно в самом Сенате, Негласном комитете и Непременном совете. За время подготовки сенатской реформы Александр заметно охладел к идее возрождения и расширения полномочий этого органа, объявленной им 5 июня 1801 г. Это сказалось как на содержании утвержденного императором указа, так и на дальнейшей практической деятельности учреждения. Сенат объявлялся «верховным местом империи», наделенным исполнительными, судебными и надзорными функциями. (Предложения предоставить ему также законодательную власть или, напротив, ограничить его полномочия в основном судебными функциями Александр I не поддержал.) Сенат контролировал все центральные и местные органы исполнительной власти. Кроме того, он получил право делать представления (возражения) императору по поводу указов, противоречивших другим законам.

Александр Павлович и Елизавета Алексеевна. Художник Ж. Л. Вуаль.

Последнее положение, изложенное в 9-й статье указа, могло некоторым образом ограничить власть монарха. Однако в окончательный вариант закона была внесена «редакторская» правка, дававшая возможность для различного толкования этой статьи. По проекту Сенат имел право делать императору представления, «если бы по общим государственным делам вышел указ», сопряженный «с великими неудобствами в исполнении» или несогласный «с прочими узаконениями». В утвержденном варианте слово «вышел» было заменено на «существовал» («если бы по общим государственным делам

существовал указ…»). Поэтому, когда через несколько месяцев сенаторы попытались опротестовать указ от 5 декабря 1802 г., запрещавший дворянам в обер-офицерских чинах выходить в отставку, не отслужив 12 лет, Александр «разъяснил» им, что они могут делать представления лишь на существовавшие прежде законы, а не на вновь издаваемые. Так в одночасье Сенат потерял приобретенное было право влиять на законотворческий процесс императора.

8 сентября 1802 г. одновременно с указом о правах и обязанностях Сената Александр I подписал Манифест об учреждении министерств. Его проект разрабатывался в Негласном комитете в обстановке строгой секретности. Поэтому обнародование документа стало неожиданностью для многих и, по словам Чарторыйского, «наделало много шума в петербургских и московских салонах». В соответствии с отраслями государственного управления были учреждены восемь министерств: военно-сухопутных сил, морских сил, внутренних дел, иностранных дел, юстиции, финансов, коммерции и народного просвещения. Во главе министерств были поставлены министры, назначаемые императором. Они имели товарищей (заместителей), которые были не везде, и канцелярии. Новые учреждения состояли из нескольких департаментов под начальством директоров. По сути, министерства заменили собой старые петровские коллегии. Первоначально коллегии сохранялись и подчинялись соответствующим министерствам, но в последующие годы почти все они были упразднены.

Согласно манифесту, министерства находились под контролем Сената, куда должны были поступать ежегодные отчеты об их деятельности. Однако предоставленное министрам право личных докладов императору, а также учреждение для совместного обсуждения дел Комитета министров, в заседаниях которого участвовал государь, на практике ослабляло имевшиеся у Сената прерогативы. Отчеты министров поступали на рассмотрение сенаторов с большим опозданием, а затем вообще прекратились. Постепенно Сенат утратил контроль над центральными органами управления, его полномочия фактически ограничились судебными функциями и надзором за деятельностью местной администрации. Несмотря на объявление Сената «верховным местом в империи», реальное значение высшего государственного учреждения вскоре приобрел Комитет министров, о чем красноречиво свидетельствует решение Александра I при отъезде в армию в 1805 г. доверить управление страной именно ему, а не Сенату, как это делал в подобных случаях Пётр I.

На министерские посты наряду с екатерининскими сановниками были назначены все члены Негласного комитета. Кочубей получил должность министра внутренних дел. Чарторыйский, Новосильцев и Строганов стали соответственно товарищами министров иностранных дел, юстиции и внутренних дел. Это привело к длительным перерывам в заседаниях неофициального совета при императоре, а затем к его ликвидации и окончательному слиянию с государственным аппаратом.

В 1807 г. ближайшим советником Александра I стал М. М. Сперанский, выходец из среды духовенства, обладавший исключительными дарованиями и необычайной работоспособностью. 25 июня 1811 г. государь утвердил подготовленное им «Общее учреждение министерств», фактически завершившее министерскую реформу. Новый закон установил точное разграничение функций министерств, единые принципы их организации, однако не решил до конца проблему контроля за их деятельностью со стороны какого-либо высшего органа. На практике министры по-прежнему были ответственны лишь перед императором, что значительно усиливало предоставленную им власть.

С именем М. М. Сперанского связано создание известного «Введения к Уложению государственных законов», содержавшего план государственного преобразования России. Этот проект разрабатывался в 1808–1809 гг. по поручению и при активном участии Александра I. По словам Сперанского, император «стократно» обсуждал с ним предполагаемые реформы, нередко проводя за этим занятием «целые вечера». Однако плоду их совместных усилий суждено было остаться лишь памятником законодательной и общественно-политической мысли.

Сперанский Михаил Михайлович. Художник А. Г. Варнек.

Осуществление намеченных преобразований заставило бы Россию сделать шаг в сторону конституционной монархии. В основу «Введения» был положен принцип разделения властей при независимости судебной власти и ответственности исполнительной перед законодательной. Высшим законодательным учреждением должна была стать Государственная дума, исполнительным – министерства, судебным – Сенат. Думу предполагалось сделать выборным органом, установив имущественный ценз. Право избирать и быть избранными получали лица, имевшие в своем владении недвижимую собственность (дворяне и люди среднего состояния). Дума участвовала в разработке законов и давала им предварительное одобрение, ограничивая тем самым власть монарха. Минуя Думу, император мог принимать решения только о начале войны или заключении мира. При этом царь обладал

исключительными правами законодательной инициативы и утверждения всех законов. Министерства становились ответственными перед Думой. Решения Сената (как высшей судебной инстанции) признавались окончательными. Вершиной новой системы управления должен был стать Государственный совет, которому отводилась роль своеобразного связующего звена между монархом и всеми тремя ветвями власти. Кроме того, в нем предполагалось проводить первоначальное обсуждение наиболее важных государственных дел.

Задуманные реформы планировалось проводить постепенно, в течение 1809–1811 гг. 1 января 1810 г. Александр I подписал Манифест об образовании Государственного совета. Однако вопреки предварительным грандиозным замыслам орган получил в основном законосовещательное значение. По сути, речь вообще шла не о создании нового учреждения, а о реформировании старого Непременного совета с наделением его некоторыми дополнительными полномочиями (в частности, контроля над деятельностью министерств, что на практике вскоре снова сошло на нет). При совете, состоявшем из четырех департаментов, учреждалась Государственная канцелярия во главе с госсекретарем. На эту должность был назначен Сперанский, фактически ставший посредником между Государственным советом и императором и сосредоточивший в своих руках всю документацию учреждения.

Дальнейшая программа вообще не была реализована. Несмотря на то, что Александр признал проект Сперанского «удовлетворительным и полезным», он вновь проявил осторожность и не решился на коренные преобразования. Более того, 17 марта 1812 г. главный разработчик реформ был отставлен от всех дел и сослан в Нижний Новгород. Эта неожиданная отставка, причины которой до сих пор окончательно не выяснены, вызвала громкую огласку в общественных кругах. Деятельный и честолюбивый Сперанский, слишком близко стоявший к особе государя и сумевший провести ряд непопулярных в дворянской среде мер (например, введение экзаменов для производства в определенные чины), нажил много врагов и недоброжелателей. По словам современника Ф. Ф. Вигеля, падение реформатора вызвало «всеобщую радость», ибо на его кабинет «смотрели все, как на Пандорин ящик, наполненный бедствиями, готовыми излететь и покрыть собой все наше отечество». В исторической литературе преобладает мнение, что Александр I пожертвовал Сперанским ради успокоения умов консервативного дворянского большинства, недовольного политикой правительства. Так или иначе, но эта мера

действительно свидетельствовала о смене курса: реформы, для проведения которых император не находил необходимой социальной опоры, отходили на второй план в преддверии неизбежно надвигавшейся войны с наполеоновской Францией.

Реорганизация государственного управления, проведенная Александром I в начале царствования, хотя не была широкомасштабной и не решила всех существовавших в этой области проблем, все же добавила эффективности работе центральных административных органов и создала предпосылки для будущих преобразований.

Дух реформ коснулся и сферы образования. В 1803 г. внутри Министерства народного просвещения было создано Главное управление училищ, разработавшее новое положение об устройстве учебных заведений. В основу системы образования были положены принципы бессословности учебных заведений, бесплатности обучения на его низших ступенях, преемственности учебных программ. Все учебные заведения делились на четыре разряда: приходские училища (курс обучения один год), уездные училища (два года), губернские гимназии (четыре года) и университеты. Страна была разделена на шесть учебных округов, возглавляемых попечителями.

К основанному в XVIII в. Московскому университету в царствование Александра I добавились еще пять университетов: в 1802 г. – Дерптский, в 1803 г. – Виленский, в 1804 г. – Казанский, в 1805 г. – Харьковский. Открытый в 1804 г. в Петербурге Педагогический институт в 1819 г. был преобразован в университет. Кроме того, были основаны два лицея: в 1811 г. – Царскосельский, в 1817 г. – Ришельевский в Одессе.

В 1804 г. был принят либеральный цензурный устав, что способствовало появлению десятков новых издательских домов и периодических изданий. 2 января 1814 г. в центре Санкт-Петербурга состоялось торжественное открытие Императорской публичной библиотеки, решение о создании которой было принято еще Екатериной II. Указ Александра I об обязательной доставке в Библиотеку двух бесплатных экземпляров любой печатной продукции, издаваемой в России, способствовал эффективному пополнению ее фондов. Со временем Императорская публичная библиотека (ныне – Российская национальная библиотека) стала одним из крупнейших книгохранилищ в мире и средоточием петербургской культурной жизни.

Нарышкина Мария Антоновна. Художник С. Тончи.

Придавая большое значение изучению прошлого своей страны, Александр I в 1803 г. даровал Н. М. Карамзину звание историографа и поощрил его стремление создать «Историю государства Российского». По ходу создания этого труда император внимательно знакомился с его томами, обсуждал с

автором их содержание, делал замечания. На издание «Истории» Карамзин получил 60 тысяч рублей из Кабинета Его Величества, при этом средства от будущей продажи книги поступали в полное распоряжение автора. Произведение Карамзина, написанное ярким, образным языком, фактически открыло историю России для широкой образованной публики. По свидетельству А. С. Пушкина, «появление сей книги… наделало много шуму и произвело сильное впечатление, три тысячи экземпляров разошлись в один месяц… Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную».

Высокообразованный и чрезвычайно обаятельный император, любивший интеллектуальные беседы и обладавший к тому же незаурядными актерскими способностями, блистал в салонах и на балах, производя поистине магнетическое воздействие на окружающих, особенно на женщин. Он ценил общество представительниц прекрасного пола, часто увлекался светскими красавицами. Большая часть его увлечений носила мимолетный и порой платонический характер, за исключением настоящей страсти к княгине М. А. Нарышкиной. Этот роман, продолжавшийся более десяти лет, на некоторое время сделал Александра I счастливым вне брака и разбил сердце императрице Елизавете Алексеевне.

Вторая семья императора

По свидетельству современников, Мария Нарышкина обладала исключительными внешними данными. Ф. Ф. Вигель писал, что ее красота была «до того совершенна, что казалась невозможною, неестественною». Графиня Р. С. Эдлинг отмечала, что такую идеальную внешность «можно встретить разве на картинах Рафаэля». Г. Р. Державин воспел ее прелести в стихотворении «Аспазии»: «Всех Аспазия милей: черными очей огнями, грудью пенною своей…Она чувствует, вздыхает, нежная видна душа, и сама того не знает, чем всех больше хороша». По словам графа Ф. Г. Головкина, даже в «простом платье из белого крепа, украшенном гирляндой незабудок», Нарышкина затмевала многих придворных дам. Она не любила носить драгоценностей, но при этом ослепляла своей природной красотой.

Мария была младшей дочерью польского князя А.-С. Святополк-Четвертинского, убитого в 1794 г. в Варшаве во время восстания Т. Костюшко. Екатерина II, оценив верность погибшего шляхтича русским интересам, взяла под свое покровительство его вдову и детей. 15-летняя Мария стала фрейлиной при петербургском дворе, а через год вышла замуж за 37-летнего князя Д. Л. Нарышкина, одного из самых знатных и богатых вельмож того времени. Г. Р. Державин посвятил новобрачным пастушескую эклогу «Новоселье молодых», где герои клянутся друг другу в вечной любви и верности. Однако поэт оказался плохим предсказателем.

Нарышкина Софья Дмитриевна. Неизвестный художник.

В 1801 г. Мария Антоновна понравилась Александру I и через некоторое время стала его возлюбленной. Отношения императора с супругой к тому времени заметно охладели, и он с головой окунулся в новую страсть. Согласно более позднему признанию Александра, он не испытывал тогда угрызений совести по отношению к Елизавете Алексеевне, ошибочно полагая, что поскольку их союз «заключен в силу внешних соображений», то они «соединены лишь в глазах людей, а перед Богом оба свободны» и он «вправе располагать своим сердцем».

О взаимной любви императора и его фаворитки вскоре стало известно в обществе. Злые языки тут же нарекли Д. Л. Нарышкина «Магистром Ордена рогоносцев», однако ему пришлось смириться с новым двусмысленным положением при собственной жене. Елизавета Алексеевна тоже старалась стойко переносить привязанность мужа к другой женщине. Однако неоднократные беременности Нарышкиной причиняли мучительные страдания императрице, страстно желавшей иметь своих детей. Об ожидании первого внебрачного ребенка Александра I она узнала от самой соперницы во время бала, когда из вежливости поинтересовалась, как она себя чувствует. Ответ буквально ошеломил: «Не совсем хорошо, так как я, кажется, беременна». В письме Елизаветы Алексеевны матери от 10 июня 1804 г., написанном спустя год после этого разговора, чувствуется ее неутихающая боль и уязвленная гордость: «Не правда ли, дорогая мама, что нужно было иметь неслыханную дерзость, чтобы сказать это, ибо она отлично знала, что мне известно, от кого она могла быть беременна». Этим ребенком, родившимся в 1803 г., была дочь Елизавета, скончавшаяся почти сразу после появления на свет. Через год у Александра и Марии Нарышкиной родилась еще одна дочь, тоже названная Елизаветой, но и она вскоре умерла.

Горе, испытанное императрицей при рождении этих детей, заставило ее в ноябре 1804 г. написать своей матери жестокие слова по поводу их смерти: «Справедливое Провидение…не потерпит незаконнорожденного ребенка в этой семье». Елизавета Алексеевна сообщала также, что Александр оба раза искренне и глубоко скорбел о потерянных детях. Она проявляла по отношению к нему дружеское сочувствие, за что ненадолго ощущала «почти что нежное отношение к себе».

Нарышкин Дмитрий Львович. Художник Л. Гуттенбрунн.

В ответных письмах маркграфиня Баденская Амалия упрекала дочь в неумении привлечь к себе мужа и в том, что у нее до сих пор нет желанных детей. Мария Фёдоровна тоже считала, что невестка могла бы вернуть себе расположение ее сына, если бы не была столь горда. Она даже давала ей советы, которые, на ее взгляд, могли бы помочь их сближению. Но сближения не происходило.

Напротив, с годами для Александра I все большее значение приобретала любовь Марии Нарышкиной. В 1808 г. у них родилась дочь Софья. Этот ребенок, единственный из детей императора, не умерший в младенчестве, позволил ему наконец почувствовать себя настоящим отцом. Александр обожал свою дочь, которая, по его словам, «украшала его существование». Зинаида, родившаяся в 1810 г., разделила печальную судьбу двух Елизавет. Все эти девочки носили фамилию Нарышкиных и официально считались детьми Дмитрия Львовича. Мария Антоновна проживала с мужем в шикарном доме на Фонтанке и занимала ведущее место при дворе. Она ничего не требовала от императора и не интересовалась политикой, чем разочаровала тех, кто надеялся с ее помощью добиться пересмотра польского вопроса.

Охотников Алексей Яковлевич. Неизвестный художник.

Летом 1814 г. Нарышкина сама порвала любовную связь с царем, которую, по выражению графини Р. С. Эдлинг, «никогда не умела оценить». Как только увенчанный славой Александр I вернулся из Парижа, она сообщила ему о своем решении расстаться и уехать. После многолетней близости с императором фаворитка внезапно вспомнила о грехе и о долге, а также о том, что их союз является препятствием для его сближения с женой. «Я страдал невыразимо, – признавался Александр фрейлине своей жены, – но ее доводы были так благородны, так возвышали ее в глазах света и в моих собственных, что с моей стороны возражать было невозможно». Сообщая сестре Екатерине Павловне о разрыве

уз, в которых он «видел счастье всей своей жизни», Александр подчеркивал, что слишком любит Нарышкину, чтобы «заставлять ее действовать наперекор своим убеждениям». Однако вскоре он узнал, что главной причиной проснувшейся добродетели его возлюбленной был роман с князем Г. И. Гагариным, продолжавшийся уже больше года… Вероятно, именно Гагарин был отцом единственного сына Нарышкиной Эммануила, родившегося в 1813 г. Во всяком случае у Александра не было оснований считать его своим.

Предательство М. А. Нарышкиной, пользовавшейся почти безграничным доверием императора, стало для него одним из наиболее сильных разочарований, испытанных в течение жизни.

Роман императрицы

Елизавете Алексеевне было всего 22 года, когда муж охладел к ней и завел официальную фаворитку. Причины охлаждения точно неизвестны. В качестве предположений современники и исследователи обычно называют слишком ранний брак царственной четы, воспоминания Александра о страшной мартовской ночи 1801 г., когда хладнокровно державшаяся супруга была свидетелем его слабости, наконец, сплетни о романе Елизаветы с Чарторыйским, достоверность которых до сих пор не доказана. Так или иначе, но вскоре после вступления Александра I на престол его отношения с женой ограничились в основном соблюдением придворного этикета, вечерними чаепитиями и довольно редкими дружескими беседами. Между тем сердце молодой женщины жаждало любви и материнства.

В 1803 г. Елизавета обратила внимание на красивого офицера Кавалергардского полка Алексея Охотникова, бросавшего на нее нежные взгляды. Сначала она вряд ли предполагала, как далеко это может зайти. Строгий дворцовый этикет не позволял императрице вступать в разговоры с офицерами, даже допущенными ко двору. Поэтому в течение целого года проявление взаимных чувств выражалось лишь в пойманных взглядах во время случайных встреч и коротких надписях на коре деревьев в укромном уголке парка: «Е», «Alexis», «Я был здесь, чтобы видеть Вас» и др. Такая романтическая игра была довольно популярна в начале XIX века. Эти невинные знаки внимания Елизавета тщательно фиксировала в своем дневнике. Вскоре даже мимолетные встречи с кавалергардом на прогулке, в церкви или на балу приобрели для нее такое большое значение, что в дни, когда ей не удавалось его увидеть, она писала в дневнике: «Плохо», «Очень плохо».

В сердечную тайну императрицы был посвящен узкий круг лиц: ее сестра Амалия Баденская, проживавшая в Санкт-Петербурге, княгиня Н. Ф. Голицына, графиня С. В. Строганова, а также несколько друзей Охотникова. При этом принцесса Амалия и Голицына потворствовали увлечению Елизаветы, а Строганова, напротив, пыталась ее образумить. Судя по содержанию дневника, императрица предпринимала неоднократные попытки подавить в себе возникшее чувство, но все ее старания были напрасны. Недели борьбы перечеркивал один взгляд кавалергарда. В конце 1803 г. у влюбленных появился посредник (возможно, Голицына), через которого они стали обмениваться письмами и портретами-миниатюрами. Случались и настоящие

свидания. Летом, когда Елизавета Алексеевна жила в Каменноостровском дворце, безлунными ночами Охотников взбирался в ее покои через окно. В одном из его писем к ней говорится: «Не беспокойся, часовой меня не видел, однако я поломал цветы под твоим окном».

Но запретное счастье императрицы продолжалось недолго. 30 января 1807 г. 25-летний А. Я. Охотников умер. Скорее всего, причиной смерти стала чахотка, от которой он страдал в последние годы своей жизни. В 1805 г. его состояние было уже достаточно тяжелым, ибо у него случались горловые кровотечения. Осенью 1806 г. «за грудной болезнью» кавалергард вышел в отставку. При этом существует версия, что Охотников скончался от смертельной раны кинжалом, полученной им в октябре 1806 г. при выходе из театра. По мнению современных исследователей, это всего лишь легенда, которая возникла позднее и была направлена против великого князя Константина Павловича, якобы выступившего в роли заказчика данного преступления.

Императрица Елизавета Алексеевна. Неизвестный художник.

Елизавета инкогнито навестила умиравшего возлюбленного и очень трогательно простилась с ним. Через полгода с разрешения родных Охотникова она установила на его могиле на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры мраморный памятник, сохранившийся до наших дней. Он изображает скорбящую женскую фигуру с урной в руках, сидящую на скале рядом с разбитым молнией деревом.

3 ноября 1806 г. императрица родила дочь Елизавету, на которую перенесла всю свою любовь и нежность. Александр I, наоборот, относился к ребенку довольно холодно, в чем его неоднократно упрекала Мария Фёдоровна, не понимавшая

странного поведения сына. Через полтора года девочка скончалась. Только после этого Александр открыл своей матери щекотливые обстоятельства, связанные с рождением великой княжны: император не был ее настоящим отцом, Елизавета, сознавшись мужу в неверности, хотела от него уйти, но он простил ее и признал ребенка своим, при этом благодарил Бога за то, что родилась девочка, ибо ей не нужно будет передавать престол.

В отличие от любовной связи Александра с Нарышкиной роман Елизаветы с Охотниковым в то время огласки не получил. После смерти императрицы ее дневники и хранившиеся у нее письма кавалергарда были сожжены Николаем I. Однако благодаря двум женщинам из императорской семьи, возмущенным поступком Елизаветы, ее тайна не умерла вместе с ней. Мария Фёдоровна посетовала на супружескую неверность невестки своему секретарю Г. И. Вилламову, который записал содержание этого секретного разговора. А императрица Александра Фёдоровна, супруга Николая I, выразила переполнявшее ее негодование в своем дневнике, где привела также несколько цитат из показанных ей мужем писем Охотникова. Эти записи долгое время оставались практически единственными свидетельствами тайной любви Елизаветы, пока в начале XXI века не были обнаружены, переведены и опубликованы чудом уцелевшие фрагменты потайного дневника самой императрицы, повествующие о зарождении ее чувства.

Однако, несмотря ни на что, Елизавета всегда оставалась верным другом и единомышленником Александра, неизменно поддерживая его во всех трудных обстоятельствах. Особенно сильно это проявилось в эпоху 1812 года, когда она стала настоящей русской императрицей.

Александр I и Наполеон: начало борьбы

Борьба с Наполеоном, продолжавшаяся около десяти лет, была едва ли не самым главным делом жизни Александра I. Начиная с 1805 г., иногда прибегая к компромиссам, российский император твердо и последовательно добивался полного политического уничтожения Бонапарта, не испытывая при этом каких-либо сомнений или колебаний, обычно свойственных ему в любых других вопросах. В этом смысле показательна его фраза, сказанная в 1812 г.: «Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать».

Наполеон Бонапарт. Художник А. Аппиани.

Когда Александр вступил на престол, в Европе уже бушевали наполеоновские войны. Однако вначале ничто, казалось, еще не предвещало столь непримиримой, смертельной схватки двух великих властителей. Напротив, с воцарением Александра I была принята новая внешнеполитическая концепция, согласно которой цели российской политики заключались в следующем: поддержание мира и равновесия между государствами Европы, ограничение честолюбивых притязаний Франции, ориентация на союз с Англией, Австрией и Пруссией, укрепление стабильных торговых связей с Англией и добрососедских отношений со

Швецией и Турцией. При этом России отводилась роль международного арбитра, дипломатического посредника в конфликтах между европейскими государствами. Использование вооруженной силы допускалось лишь в крайнем случае.

В первые годы правления Александра I российская дипломатия успешно следовала этим принципам. Однако вскоре рост французской экспансии, грозивший нарушением системы европейского равновесия и установлением господства наполеоновской Франции над Европой, заставил Россию, обладавшую значительным международным престижем и имевшую собственные сферы влияния, сместиться с позиции арбитра и вступить в войну.

Александр I. Неизвестный художник.

Разрыв дипломатических отношений с Францией произошел в 1804 г., вскоре после расстрела по приказу Наполеона французского принца Л. А. Бурбона-Конде, герцога Энгиенского, схваченного на территории близкого российской императорской семье Баденского государства. Александр направил в Париж официальную ноту с выражением протеста против нарушения Францией нейтралитета Бадена и прав человека. В ответном послании Наполеон позволил себе оскорбительный намек на причастность российского императора к убийству Павла I. Эти события переполнили чашу терпения и миролюбия Александра,

давно уже недовольного действиями Наполеона в Германии, Италии и на Ближнем Востоке. Внутренняя политика Бонапарта также вызывала недоверие и настороженность российского императора. Еще в июле 1803 г. он писал Лагарпу, что с момента установления пожизненного консульства Наполеона «дела идут все хуже и хуже». По его мнению, этот человек, ради личной выгоды предавший идеалы Французской революции и нарушивший конституцию своей страны, стал «одним из самых отъявленных тиранов, которых только знала история». Провозглашение Наполеона императором французов в мае 1804 г. и циничное попирание им международного права только укрепило желание Александра спасти Европу от тирана. В августе 1804 г. русская дипломатическая миссия покинула Париж. В 1805 г. Россия вступила в 3-ю антинаполеоновскую коалицию (союзники – Англия, Австрия, Швеция, Неаполитанское королевство и Турция).

Сражение при Аустерлице. Художник Б. П. Виллевальде.

Во время кампании 1805 г. Александр присутствовал на театре военных действий. 20 ноября он был свидетелем и отчасти виновником сокрушительного разгрома русско-австрийских войск в битве при Аустерлице. Прибыв в Моравию на помощь союзникам, Александр не внял предостережениям главнокомандующего русской армией М. И. Кутузова о преждевременности решительного столкновения с Наполеоном и

поддержал разработанный австрийцами план сражения, на поверку оказавшийся крайне неудачным: спуститься с Праценских высот на равнину, где располагались основные силы французской армии, и попытаться окружить их, обойдя с правого фланга. В день сражения, когда три колонны союзных войск уже двигались в предусмотренном планом направлении, император поторопил Кутузова, не спешившего со своей воинской частью покидать выгодную позицию на высотах: «Михайло Ларионович! Почему не идете Вы вперед?». «Я поджидаю, чтобы все войска колонны пособрались», – ответил Кутузов. Будучи в прекрасном настроении, Александр парировал: «Ведь мы не на Царицыном лугу, где не начинают парада, пока не придут все полки». «Государь! Потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете», – услышал он в ответ. Приказ был отдан, но он лишь ускорил катастрофу. Прорвав центр позиции союзников, французы заняли Праценские высоты и начали оттуда артиллерийский обстрел пришедших в замешательство русско-австрийских войск. Через несколько часов союзники начали отступление, превратившееся вскоре в беспорядочное бегство.

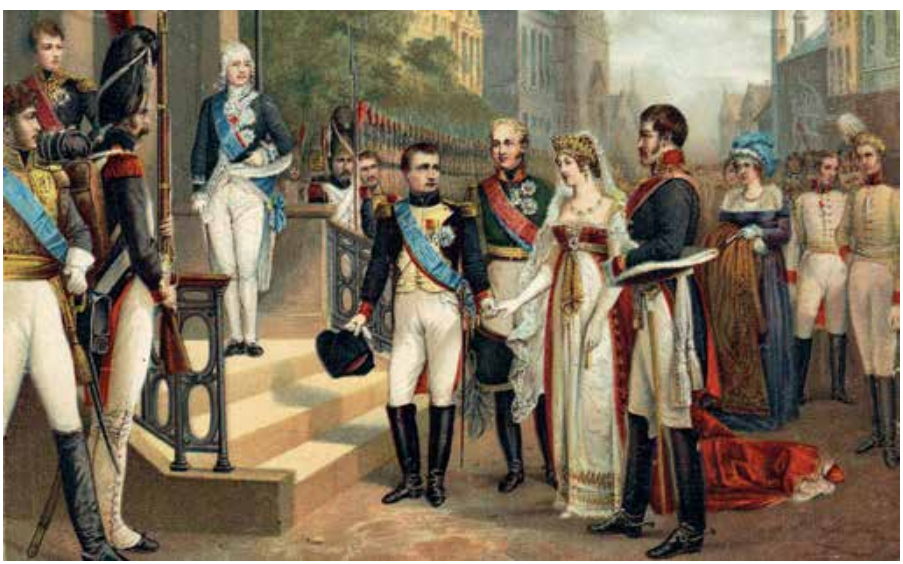
В тот день Александр чудом избежал гибели и плена. Сопровождавшие императора лица в суматохе потеряли его из виду. Выбравшись с поля сражения, он без сил рухнул под дерево и разрыдался. Но морально Александр сломлен не был. За личное мужество, проявленное в битве при Аустерлице, Георгиевская дума представила императора к награждению орденом Св. Георгия 1-го класса, но, учитывая обстоятельства, он согласился принять только орден 4-го класса. Много лет спустя, вспоминая об аустерлицкой катастрофе, Александр признал свою вину, разделив ее при этом с Кутузовым: «Я был молод и неопытен; Кутузов говорил мне, что нам надо было действовать иначе, но ему следовало быть настойчивее».

Поражение союзников под Аустерлицем привело к развалу 3-й коалиции. Австрия вышла из игры, подписав с Наполеоном сепаратный мир. Александр отверг мирные предложения французского императора и, вернувшись в Санкт-Петербург, занялся формированием 4-й коалиции, сложившейся в 1806 г. (союзники – Пруссия, Англия и Швеция).

Опасаясь переноса военных действий на территорию России, а также возможного срыва нового альянса, Александр включился также в информационную войну с Наполеоном. В 1806–1807 гг. он провел первую антинаполеоновскую пропагандистскую кампанию с целью настроить против французского императора общественное мнение как в России, так и в Западной Европе.

Совместными усилиями правительства, Русской Православной Церкви, поэтов, художников и публицистов начал формироваться негативный образ узурпатора, тирана и злодея (так называемая черная легенда о Наполеоне). Активная позиция Русской Церкви, придавшей противостоянию религиозный смысл, добавила образу Наполеона демонические черты. Французский император, покрывший кровью пол-Европы, стал сравниваться, а порой и отождествляться с Антихристом.

Военные действия 4-й коалиции успехом не увенчались. В октябре 1806 г. прусские войска были наголову разбиты Наполеоном. Российская армия под командованием генерала Л. Л. Беннигсена поначалу провела два сражения вничью: 14 декабря 1806 г. при Пултуске и 27 января 1807 г. близ Прейсиш-Эйлау. Александр вновь выехал на театр военных действий, однако до его прибытия русские войска 2 июня 1807 г. понесли тяжелое поражение под Фридландом, в ходе которого лишились почти всей артиллерии, а затем отступили на правый берег Немана, являвшийся российской приграничной территорией. Александр был вынужден вступить с Наполеоном в мирные переговоры.



Наполеон, Александр I и Фридрих-Вильгельм III в Тильзите. Художник Н. Л. Госсе.

Первая встреча двух императоров состоялась 13 июня 1807 г. в несколько театрализованной обстановке: на специально оборудованном плоту посреди Немана. По этому поводу в русском народе вскоре распространился анекдот, согласно которому царь намеренно устроил встречу на реке, поскольку хотел сначала окрестить Антихриста, а затем уже допустить его

пред свои светлые очи. На следующий день переговоры были перенесены в располагавшийся неподалеку прусский город Тильзит, объявленный на это время нейтральным.

Наполеон и Александр. Неизвестный художник.

В течение двенадцати дней монархи состязались в любезности, за которой скрывалась настоящая дипломатическая

дуэль. На первый взгляд казалось, что им удалось очаровать друг друга. После личного знакомства с Александром Наполеон написал своей жене Жозефине: «Я им очень доволен; это очень красивый, добрый и молодой император; он умнее, чем о нем обыкновенно думают…Если бы Александр был женщиной, я бы сделал его своей любовницей». В свою очередь, Александр в письмах, отправленных из Тильзита сестре Екатерине Павловне и матери, передавал восхищение «гением» Наполеона, однако при этом акцентировал внимание на его тщеславии – уязвимой черте, на которой можно сыграть. Прусскому королю Фридриху-Вильгельму III и его жене королеве Луизе Александр также советовал льстить тщеславию французского императора. Он уверял их: «Несмотря на все мои демонстрации и наружные действия, в душе я – ваш друг и надеюсь доказать вам это на деле».

Переговоры завершились 25 июня 1807 г. подписанием договоров о мире и союзе между Россией и Францией. Несмотря на понесенное военное поражение, Россия, по словам Александра, вышла из борьбы «со своего рода блеском». Она избежала территориальных потерь и добилась сохранения суверенитета Пруссии, которая, хоть и утратила почти половину своих земель, но все же осталась на политической карте Европы. В то же время Александр был вынужден пойти на ряд уступок, в частности, согласиться на вывод своих войск из только что отвоеванных им у Турции Молдавии и Валахии, а также на создание из отнятых у Пруссии польских земель герцогства Варшавского, фактически ставшего французским плацдармом у границ России. Кроме того, согласно секретному трактату об оборонительном и наступательном союзе Россия должна была выступить посредником в англо-французских мирных переговорах, а в случае их срыва прекратить с Англией дипломатические отношения и присоединиться к ее континентальной блокаде, т. е. закрыть все российские порты для английских торговых судов, что наносило существенный удар по российской экономике, а также интересам дворянства и купечества.

Заключенный в Тильзите союз с наполеоновской Францией, означавший смену внешнеполитического курса страны, был воспринят в российском обществе как национальное унижение и привел к падению личного авторитета Александра. Даже Мария Фёдоровна открыто осуждала политику сына. В августе 1807 г. Елизавета Алексеевна с возмущением писала своей матери: «Императрица… дошла до того, что стала походить на главу оппозиции; все недовольные, число которых очень велико, сплачиваются вокруг нее». Иностранные дипломаты,

находившиеся в Санкт-Петербурге, в своих донесениях также отмечали рост оппозиционных настроений, охвативших широкие общественные слои, и передавали ходившие по городу слухи о возможности нового дворцового переворота.

Прощание Наполеона с Александром в Тильзите. Художник Дж. Серанжели.

Истинную подоплеку событий тогда мало кто понимал. Благодаря временному союзу с Францией Россия получила пятилетнюю передышку для подготовки к новому неизбежному столкновению с ней. Согласие Александра на этот непопулярный шаг в значительной степени было ценой, заплаченной им за сохранение Пруссии, которую он справедливо рассматривал как потенциального союзника в будущей войне с Наполеоном. Проявив дальновидность, Александр фактически одержал в Тильзите свою первую дипломатическую победу над Наполеоном.

В сентябре – начале октября 1808 г. в ходе встречи с Наполеоном в Эрфурте Александру удалось добиться некоторого смягчения условий Тильзитского договора. Бонапарт согласился на аннексию Россией Финляндии, Молдавии и Валахии и на вывод своих войск из герцогства Варшавского. В то же время

Александру пришлось дать обещание, что Россия выступит на стороне Франции в случае ее войны с Австрией. В Эрфурте Александр заручился тайной поддержкой министра иностранных дел Франции Ш. М. Талейрана, который за значительное денежное вознаграждение начал передавать ему секретную военно-политическую информацию.

Император Александр I. Художник С. С. Щукин.

Следуя достигнутым соглашениям, Александр вскоре решил две проблемы на границах России: в 1808–1809 гг. он провел успешную войну против Швеции, закончившуюся присоединением Финляндии, а в мае 1812 г. завершил войну с Турцией, начатую еще в 1806 г. Согласно Бухарестскому мирному

договору к России отошла Молдавия.

В 1809 г. Россия была вынуждена выступить на стороне Франции против войск 5-й антинаполеоновской коалиции. Симпатизируя противнику более, чем союзнику, Александр обещал австрийскому послу К. Ф. Шварценбергу как можно дольше медлить с выступлением войск и удерживать их от прямых столкновений с австрийцами. Обещание было выполнено: русский корпус под командованием генерала князя С. Ф. Голицына простоял на границе, почти не участвуя в военных действиях. В это время Наполеон прекрасно понял настоящую цену союза с Александром, однако, будучи пока не готовым разорвать этот союз, заставил поверженную им Австрию передать России часть Восточной Галиции.

Отношения с Францией еще более осложнились после неудачных попыток Бонапарта в 1808 г. и 1809 г. посвататься к великим княжнам Екатерине Павловне и Анне Павловне. В то время французский император решил развестись с Жозефиной, которая не могла подарить ему наследника. Однако Александр не захотел родниться с будущим противником. Мария Фёдоровна вообще пришла в ярость от перспективы такого «блестящего мезальянса». Не желая признавать монархический титул Наполеона, полученный им не в силу рождения, она категорически заявила, что дочь одного и сестра другого российского императора не может стать женой сына безвестного адвоката из Аяччо. В результате любимая сестра Александра I Екатерина Павловна в апреле 1809 г. была поспешно выдана замуж за принца Георгия Ольденбургского. Что касается Анны Павловны, то, поскольку в момент сватовства ей было всего четырнадцать лет, Наполеону отказали в связи с несовершеннолетием его избранницы.

Наконец, наибольшее раздражение Бонапарта вызывал негласный фактический отход России от политики континентальной блокады Англии, к которой она присоединилась по условиям Тильзитского союзного договора. С 1810 г. Россия и Франция начали открыто готовиться к войне.

В 1810–1812 гг. Александр реформировал армию и вместе с военным министром М. Б. Барклаем де Толли разработал стратегическую концепцию войны с Наполеоном, рассчитанную на три года и предусматривавшую ведение боевых действий сначала на русской территории, а затем – в Западной Европе. В основу плана кампании 1812 года легло положение о необходимости отступления главных сил российской армии вглубь страны с целью изматывания противника. Утверждению этого плана, названного современниками «скифским»,

способствовали данные русской разведки о более чем вдвое превосходящих силах неприятеля. Таким образом, несмотря на несметные полчища считавшейся непобедимой Великой армии Наполеона и непревзойденный военный гений ее предводителя, Александр рассчитывал закончить решающее столкновение в Париже окончательным низвержением французского императора.

«Гроза Двенадцатого года»

Весной 1812 г. Наполеон подтянул к западной границе России армию численностью около 450 тысяч человек. Российские войска, защищавшие границу, насчитывали лишь 210–220 тысяч человек и были разделены на три части: 1-я Западная армия под командованием М. Б. Барклая де Толли (около 120 тысяч человек) находилась в районе Вильно, 2-я Западная армия во главе с П. И. Багратионом (45–48 тысяч человек) – у Волковыска, 3-я Обсервационная армия А. П. Тормасова (около 45 тысяч человек) – на территории Волынской губернии.

14 апреля 1812 г. Александр I прибыл в Главную квартиру 1-й Западной армии в Вильно. 12 июня во время бала в загородном имении генерала Л. Л. Беннигсена в Закрете император получил известие о переправе Великой армии Наполеона через Неман и начале военных действий. В течение недели русскую границу перешли 448 тысяч завоевателей, составивших так называемый 1-й эшелон армии вторжения. Позднее к ним присоединились еще 199 тысяч человек. Таким образом, всего Наполеон бросил на войну с Россией 647 тысяч человек. Он планировал, используя двукратный численный перевес, разбить разобщенные русские армии в приграничных сражениях и навязать Александру выгодный для Франции мир. Однако война пошла по сценарию, разработанному в Санкт-Петербурге.

Наполеон I Бонапарт. Художник Поль Деларош.

13 июня Александр I подписал приказ по армиям, содержавший горячий призыв: «Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог». Чтобы продемонстрировать Европе свое миролюбие и подчеркнуть, что вина за начало войны лежит на противнике, Александр в тот же

день послал к Наполеону генерал-адъютанта А. Д. Балашева с предложением мира на условиях вывода французских войск из России, но его поездка не увенчалась успехом. После этого император прекратил все контакты с Наполеоном и не ответил ни на одно из четырех поступивших от него мирных предложений.

Следуя принятой концепции, 1-я и 2-я Западные армии начали отступление вглубь страны, ведя арьергардные бои и стараясь соединиться. Поскольку Александр I находился в войсках и не решался назначить единого главнокомандующего всеми российскими армиями на западном театре военных действий, то в соответствии с действующим законодательством эта ответственная роль автоматически передавалась ему. В начале июля приближенные уговорили Александра вернуться в Санкт-Петербург, чтобы неудачи начала войны не бросили тень на императорскую власть. Это решение далось ему нелегко. Позднее в письме сестре Екатерине Павловне император признавался, что, покинув армию, он «пожертвовал во имя общего блага личным самолюбием», ибо в то время «не имел иного желания, кроме как остаться в строю».

Кутузов во время Бородинской битвы. Художник А. Шепелюк.

Несмотря на отъезд из армии, роль Александра I в

Отечественной войне 1812 года вовсе не была пассивной, как это неоднократно утверждалось в исторической литературе. Являясь верховным руководителем государства, он принимал все важнейшие стратегические и военно-политические решения. Уже в первые месяцы войны император сделал борьбу с Наполеоном всенародным делом и начал вторую антинаполеоновскую пропагандистскую кампанию. Однако главная заслуга Александра заключалась в его непоколебимом решении не заключать мир до тех пор, пока на территории России останется хотя бы один неприятельский солдат. Твердая позиция императора свела на нет саму возможность победы Наполеона, став в конечном итоге одной из главных причин будущего триумфа России.

6 июля 1812 г. Александр I подписал манифест «О сборе внутри государства земского ополчения», в котором пригласил всех своих подданных поражать неприятеля «на каждом шаге» «всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам». Документ содержал знаменательную фразу: «Соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют». По свидетельству современников, царский манифест оказывал существенное влияние на патриотическое настроение широких масс. Прямо противоположное впечатление он производил на офицеров Великой армии, которые увидели в нем «призыв к бесконечной войне» и усомнились в победоносном завершении своего похода. «Как и когда, – писал лейтенант О. Редер фон Бомсдорф, – будет закончена борьба с самодержцем девятой части земли, который призвал…своих подданных истреблять нас любыми находящимися в их распоряжении средствами».

Решение императора поддержала Русская Православная Церковь. Святейший Синод выпустил воззвание, которое вместе с манифестом читалось во всех храмах страны. В нем объяснялся освободительный, священный характер войны и проводилась мысль, что России Богом предназначено остановить злодеяния Наполеона и освободить от него Европу.

В проводимой церковной и светской пропаганде вновь оказалась востребованной идея о демонической сущности Наполеона. Профессор Дерптского университета В.-Ф. Гецель, применив к французскому алфавиту принцип еврейского изображения чисел, где первые десять букв обозначают единицы, а прочие – десятки, высчитал в имени и титуле Наполеона «звериное число 666», а также, истолковав два фрагмента «Апокалипсиса», предсказал падение Антихриста в 1812 г. Эта информация с разрешения М. Б. Барклая де Толли распространялась полковыми священниками в войсках. В стране

были изданы десятки карикатур, на которых французский император изображался в демоническом обличье (с рогами и хвостом) или стоящим рядом с Сатаной и чертями. В противовес этому темному образу постепенно начал формироваться светлый, «ангельский» образ Александра I как правителя, избранного Провидением для победы над Наполеоном. Например, в произведении Г. Р. Державина «На прогнание французов из Отечества» война наполеоновской империи с Россией показана как борьба тьмы со светом, зла с добром, нечестия с православием. Наполеон нарисован вышедшим из бездны «змеевидным демоном», который в сопровождении ехидн шествует по земле, сея повсюду смерть. Но на его пути встает «агнец белорунный, смиренный, кроткий, но челоперунный» – император Александр I, который поднимает народ на борьбу за веру, против «врагов Христовых».

Несмотря на допускавшиеся по законам жанра приемы преувеличения (гипербола, гротеск, ирония), антинаполеоновская пропаганда опиралась на реальные исторические факты и отражала осмысление современниками их сакрального смысла. Гонения на Церковь и духовенство времен Французской революции, беспринципная церковная политика Наполеона, его неоднократные столкновения с Папой Пием VII, закончившиеся в 1809 г. отлучением французского императора от Церкви и пленением римского первосвященника – все это создавало ощущение некоего духовно-религиозного мятежа, поднятого Наполеоном против христианства. В 1812 г. разграбление и осквернение наполеоновскими солдатами русских православных храмов укрепило в народе восприятие Великой армии как своеобразной темной силы. Начавшаяся война осознавалась многими не только как военно-политическое столкновение государств, но и как религиозно-цивилизационное противостояние православной России и «безбожной» Франции.

В июле 1812 г. по пути из армии в столицу Александр I решил заехать в Смоленск и в Москву, чтобы «позаботиться о собрании новых сил в помощь действующим войскам». По признанию императора, результат превзошел его ожидания. Со стороны всех сословий общества он увидел проявление патриотизма, готовность жертвовать собой и своим имуществом. В частности, в Москве дворянство пожертвовало на создание ополчения 3 млн рублей и обязалось поставить 80 тысяч ратников, купечество дало 10 млн рублей. Народ встречал Александра возгласами: «Веди нас, отец наш! Умрем или истребим злодея!» Впервые за долгое время действия императора пользовались абсолютной поддержкой общественного мнения.

Наполеон в горящей Москве. Художник А. Адам.

Вместе с тем Александр понимал, что вынужденное отступление наших войск, хотя и приносило свои плоды (численность армии противника сокращалась), но в глазах общества являлось непопулярной мерой и рано или поздно должно было вызвать всеобщее порицание. Так и случилось. Первой жертвой стал М. Б. Барклай де Толли. После соединения 1-й и 2-й Западных армий, состоявшегося 22 июля под Смоленском, все ожидали крупного сражения и перехода в наступление. Позиция Барклая, считавшего эту меру преждевременной, восстановила против него армейскую верхушку. Великий князь Константин Павлович, П. И. Багратион, А. П. Ермолов, Н. Н. Раевский и другие генералы составили своеобразный заговор: начали распространять в войсках нелепые слухи о неспособности, трусости и даже измене Барклая и добиваться у Александра I назначения единого главнокомандующего всеми русскими армиями. Двор был с ними солидарен.

Решение этого вопроса император поручил Чрезвычайному комитету, специально созданному из высших сановников империи под председательством генерал-фельдмаршала Н. И. Салтыкова. 5 августа члены комитета единогласно постановили назначить единым главнокомандующим над всеми войсками, действующими против Наполеона, М. И. Кутузова. Через три дня

Александр утвердил в этой должности того, на кого, по его выражению, «указал общий голос». Между тем, пока в Санкт-Петербурге выбирали главнокомандующего, на главном театре военных действий в течение двух дней, 5–6 августа, состоялось ожесточенное сражение за Смоленск, по итогам которого город в виде дымящих развалин перешел в руки французов, а русские войска продолжили отступление по направлению к Москве, увлекая за собой неприятеля.

Назначение Кутузова с воодушевлением было воспринято в армии и народе. Россия верила в этого убеленного сединами, харизматичного старца, одного из последних представителей «екатерининских орлов». Дополнительным преимуществом Кутузова являлось то, что в отличие от многих александровских генералов он был русским. В условиях, когда военные действия велись на территории Центральной России против многонациональной армии Наполеона, это имело большое значение. Поговорка «Приехал Кутузов бить французов» мгновенно облетела войска, придав всем надежду на скорое наступление. Однако перелом в войне произошел не сразу.

26 августа у села Бородино под Можайском состоялось генеральное сражение, названное Наполеоном «битвой гигантов». Несмотря на титанические усилия, предпринятые противниками, и колоссальные потери с обеих сторон, оно закончилось вничью. Не дождавшись подхода резервов, русская армия вновь отступила, намереваясь дать новое сражение на подступах к Москве, в районе Поклонной горы. Донесение Кутузова Александру I о Бородинском сражении, в котором сообщалось, что «неприятель отбит на всех подступах», было обнародовано в столице и воспринято как сообщение о победе. Строки о новом отступлении из него исключили с целью поддержать в народе надежду на благополучный исход борьбы. Император произвел Кутузова в генерал-фельдмаршалы, во всех храмах в честь успешного сражения прошли благодарственные молебны.

Дальнейшие события поразили современников как гром среди ясного неба: 1 сентября на военном совете в Филях было принято решение оставить первопрестольную без боя, грандиозный пожар уничтожил более половины города, а вступившие в него наполеоновские войска разграбили и осквернили древние московские святыни. Авторитет Александра I стремительно упал, в столице раздавался сильный ропот. 6 сентября великая княгиня Екатерина Павловна писала императору: «Взятие Москвы довело сильное раздражение до апогея; недовольство достигло высшей точки, и Вас не щадят… Вас открыто обвиняют в несчастьях Вашей империи, в общих и

частных провалах, наконец, в потере чести страны и Вашей чести лично. Не одно лишь сословие, но все в один голос хулят Вас». Атмосфера была настолько накалена, что 15 сентября, в годовщину коронации, Александр впервые поехал в Казанский собор не верхом, а в карете. У храма его встретила мрачная и молчаливая толпа. Графиня Эдлинг вспоминала: «Никогда в жизни не забуду этих минут. Когда мы поднимались по ступеням в собор, следуя среди толпы, не раздалось ни одного приветствия. Можно было слышать наши шаги, и я нисколько не сомневалась, что достаточно было малейшей искры, чтобы все кругом воспламенилось. Я взглянула на государя, поняла, что происходит в его душе, и мне показалось, что колена подо мною подгибаются».

При дворе сформировалась «партия поборников мира», в которую вошли вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, цесаревич Константин Павлович, граф А. А. Аракчеев, граф С. П. Румянцев и другие сановники. Сомневаясь в успешном исходе войны, они заклинали императора вступить с Наполеоном в мирные переговоры. Но Александр был непреклонен. Более того, он больше чем когда-либо был полон решимости бороться. На стороне императора находилась его супруга Елизавета Алексеевна. Она открыто высказывалась в поддержку действий Александра I и просила о том же своих фрейлин. По словам графа Ф. П. Толстого, «эта кроткая, умная государыня во всех случаях поступала как истинная царица». Например, когда в столице стали готовиться к эвакуации, она отказалась вывозить свои драгоценности и уезжать сама, поскольку не было возможности спасти имущество всех петербуржцев. В ноябре 1812 г. под покровительством Елизаветы Алексеевны было создано Санкт-Петербургское женское патриотическое общество, занимавшееся попечением о раненых, вдовах и сиротах.

Внешняя стойкость стоила Александру тяжелых душевных переживаний. После сдачи Москвы он стал ежедневно читать Библию и подолгу молиться, находя в этом источник утешения и бодрости. Позднее император признавался: «Пожар Москвы осветил мою душу и наполнил мое сердце теплотой веры, какой я не ощущал до тех пор. Тогда я познал Бога».

События октября – ноября 1812 г. показали, что упорство Александра не было напрасным и заставили его критиков замолчать. 7 октября наполеоновская армия, деморализованная полуголодным и безрезультатным пребыванием в Москве, выступила из первопрестольной и начала отступление, преследуемая русскими войсками. После переброски на западный театр военных действий дополнительных воинских частей (армии

адмирала П. В. Чичагова с Дуная и корпуса генерала Ф. Ф. Штейнгеля из Финляндии) русское командование 14–17 ноября попыталось реализовать план окружения и уничтожения неприятеля на рубеже реки Березина, разработанный при активном участии Александра I. Сражение на Березине, хотя и не решило всех поставленных задач, все же стало настоящей катастрофой для Великой армии, которая как военный организм фактически перестала существовать. В конце 1812 г. пределы России покинули ее жалкие остатки (по разным данным, от 50 до 80 тысяч человек). Французскому императору удалось избежать пленения и уйти за границу.

Прусский король, австрийский и русский императоры в Праге 18 августа 1813 г. Неизвестный художник.

11 декабря 1812 г. Александр I прибыл в Вильно. Он знал, что для продолжения борьбы с Наполеоном потребуется его личное присутствие в войсках. 25 декабря император подписал два манифеста: об освобождении России от нашествия неприятеля, где главной причиной победы была названа помощь Бога, и о сооружении в Москве в знак благодарности Промыслу Божию храма Христа Спасителя. Характерно, что в этих документах ничего не говорилось об окончании войны. Напротив, содержалось моление к Богу «продлить милость свою над нами» и

«ниспослать нам побед победу, желанный мир и тишину». Схватка двух великих монархов не закончилась.

«Царь царей», или «Император Европы»

Военные кампании 1813 и 1814 гг., ставшие логическим продолжением Отечественной войны 1812 года, вошли в российскую историческую науку как «Заграничные походы русской армии». Как мы видели, эти походы Александр планировал изначально, они являлись второй частью разработанной им стратегической концепции войны. С этой целью в течение 1812 г. активно готовились запасные части: было объявлено четыре рекрутских набора, шло обучение новобранцев, из которых вскоре была укомплектована Резервная армия. Александр не собирался останавливаться на полпути. Он по-прежнему был убежден в необходимости окончательного низложения «французского тирана», восстановления «европейского равновесия» и создания системы международных отношений, базирующейся на правовых основах. Только эти меры могли обеспечить мир и стабильность на Европейском континенте, а следовательно, надежную безопасность Российской империи. Александр был умным и дальновидным политиком. Он понимал, что мир с Наполеоном мог стать лишь кратковременным перемирием. Французский император вряд ли смирился бы с поражением 1812 года. Через несколько лет, собрав новую армию из подвластной ему Европы, он попытался бы взять реванш, причем с учетом допущенных им прежде просчетов и ошибок.

Однако в декабре 1812 г. это было очевидно далеко не для всех. В штабе армии и при дворе сформировалась «партия противников войны в Европе», в которую вошли императрица Мария Фёдоровна, цесаревич Константин Павлович, министр иностранных дел Н. П. Румянцев, государственный секретарь адмирал А. С. Шишков, граф А. А. Аракчеев, главнокомандующий Москвы граф Ф. В. Ростопчин. По мнению этих людей, изгнав французскую армию из России, следовало заключить с Наполеоном почетный мир и сосредоточиться на восстановлении опустошенной войной страны. Освобождение Европы казалось им сомнительным и опасным делом, не соответствующим напрямую русским интересам. Румянцев полагал, что приоритетными направлениями российской внешней политики являются Балканы и Ближний Восток. Даже главнокомандующий М. И. Кутузов в приватных беседах с Шишковым высказывал мысли о том, что окончательный разгром Наполеона более выгоден Англии,

желающей таскать каштаны из огня русскими руками. Впрочем, официальных заявлений на эту тему полководец не делал. Он настаивал лишь на предоставлении главной армии хотя бы кратковременного отдыха в окрестностях Вильно.

Несмотря на оппозицию, государь принял решение о начале похода. В конце декабря 1812 г. русские войска вступили в пределы Пруссии.

В 1812–1814 гг. Александр I стал организатором и военно-политическим лидером 6-й антинаполеоновской коалиции (основные союзники – Англия, Швеция, Пруссия, Австрия). Создание нового альянса потребовало от него большого дипломатического таланта. Прежде всего он был практически единственным европейским политиком, реально верившим в саму возможность окончательной победы над Наполеоном. Кроме того, Австрия и Пруссия в конце 1812 г. – начале 1813 г. были союзниками Франции, их еще предстояло склонить на сторону России. Наконец, по ряду позиций интересы монархов сталкивались. В частности, яблоком раздора между Россией, Австрией и Пруссией могло стать герцогство Варшавское, которое Александр рассматривал в качестве компенсации за пролитую в борьбе с Наполеоном «русскую кровь». Поэтому российский император предпочел не раскрывать все карты сразу, а отложить обсуждение спорных вопросов до низложения Наполеона.

Первыми союзниками России, поначалу номинальными, стали Швеция и Англия, соглашения с которыми были заключены соответственно в марте и июле 1812 г. Во время Отечественной войны были созданы предпосылки для союза с Пруссией: в России был образован Комитет по делам Германии, занимавшийся привлечением немецких патриотов к вооруженной борьбе с наполеоновской Францией, и сформирован Русско-немецкий легион. После освобождения территории России национальное движение в германских землях активизировалось. 18 декабря 1812 г. в Таурогене командующий Прусским вспомогательным корпусом генерал Г. Йорк самовольно заключил с русским генералом И. И. Дибичем российско-прусскую конвенцию о перемирии. В тот же день Александр I написал Фридриху-Вильгельму III письмо с предложением союза против Франции и помощи в восстановлении статуса и границ Пруссии. Общественное мнение, выступавшее за сближение с Россией, а также отказ Наполеона выплатить Пруссии компенсацию за военные издержки, понесенные в 1812 г., заставили Фридриха-Вильгельма преодолеть свой страх перед французским императором и принять предложение Александра. 16 февраля 1813 г. в Калише был подписан русско-прусский союзный

договор, получивший вскоре финансовую поддержку британского правительства.

Гораздо сложнее было добиться вступления в коалицию Австрии, поскольку император Франц I был не только союзником, но и родственником Наполеона. (В 1810 г. его дочь Мария-Луиза стала супругой французского императора и через год родила ему долгожданного наследника.) В течение полугода австрийская дипломатия в лице канцлера К. Меттерниха балансировала между Александром I и Наполеоном, обещая каждому свою помощь и никому ее не оказывая. Не вступая в войну под предлогом реорганизации армии, разбитой в 1809 г., Австрия предлагала свое посредничество в дипломатическом урегулировании конфликта. Однако настойчивость российского императора и отказ Наполеона от мирных условий союзников вынудили ее 31 июля 1813 г. присоединиться к коалиции.

28 августа 1813 г. в Теплице между Россией, Пруссией и Австрией были подписаны двусторонние союзные соглашения, согласно которым каждая из сторон обязывалась выставить для борьбы с Наполеоном по 150 тысяч человек и отказаться от заключения сепаратного мира. Вместе со шведской армией войска коалиции насчитывали теперь 490 тысяч человек. Им противостояли 440 тысяч солдат, собранных к тому времени Наполеоном.

Военные действия 6-й коалиции начались не слишком удачно. 16 апреля 1813 г. внезапно умер М. И. Кутузов. Возможно, это стало одной из причин поражений союзников в последовавших вскоре сражениях при Лютцене и Баутцене. 17 мая по просьбе П. Х. Витгенштейна, занявшего место Кутузова на посту главнокомандующего российско-прусскими войсками, Александр I назначил на эту должность М. Б. Барклая де Толли.

Летом 1813 г., во время Плейсвицкого перемирия, все союзные войска были разделены на четыре армии. Богемскую армию, при которой находились союзные монархи, возглавил австрийский фельдмаршал К. Шварценберг, Силезскую – прусский генерал-фельдмаршал Г. Л. Блюхер, Северную – шведский наследный принц Карл-Юхан, Польскую – русский генерал Л. Л. Беннигсен. Российский император пользовался в войсках огромным авторитетом. Из четырех армий он фактически контролировал три с половиной. Главнокомандующие Польской, Силезской и Северной армиями в спорных ситуациях обращались к нему. Характерно, что пруссак Блюхер говорил об Александре: «Он мой император, я ему доношу о моих военных действиях, а уже он пусть сообщает их королю. Он один может меня судить, и я от него принимаю охотно и выговоры, и награждения». Что

касается Шварценберга, то его предложения утверждались советом трех монархов, где доминировал Александр I, к тому же напрямую ему подчинялись лишь австрийские части Богемской армии. Российский император вникал во все вопросы, неоднократно предлагал верные стратегические и тактические решения, в периоды неудач сплачивал союзников. Не случайно участник событий историк А. И. Михайловский-Данилевский назвал его «истинным Агамемноном великой брани».

14 – 15 августа 1813 г. союзные войска потерпели поражение в битве под Дрезденом. Александр едва избежал гибели – рядом с ним разорвалось ядро, смертельно ранившее генерала Ж. В. Моро. Прусский и австрийский монархи вновь засомневались в возможности победить Наполеона и заговорили о выходе из войны. Лишь упорство Александра I, а также его умелые распоряжения, через три дня обеспечившие столь своевременный успех под Кульмом, предотвратили распад коалиции.

После Кульма, навсегда оставшегося любимой победой Александра I, фортуна повернулась к союзникам лицом. 4–7 октября 1813 г. они разбили французские войска в «битве народов» под Лейпцигом, что фактически завершило освобождение Германии. По меткому выражению А. И. Михайловского-Данилевского, в первый день сражения именно Александр «вырвал победу из рук Наполеона». Не согласившись накануне с планом Шварценберга, он по своему усмотрению расположил русские и прусские войска, не попавшие в итоге в отличие от австрийцев в окружение, и четкими распоряжениями не только спас союзную армию, но и добился значительного превосходства над французской. В последующие дни российский император не выпустил инициативу из своих рук. Михайловский-Данилевский пишет, что государь «занимался лично распоряжениями к бою, ибо в самом деле он начальствовал армиями, а не кто другой, к князю Шварценбергу потеряли доверенность, а прочие два монарха ни во что не вмешивались».

Михаил Богданович Барклай де Толли. Неизвестный художник.

В канун нового 1814 г. Александр с трудом убедил союзников перенести военные действия на территорию Франции. В своей борьбе с Наполеоном они не собирались заходить так далеко, и лишь боязнь, что русские в одиночку доведут дело до конца, забрав себе всю славу и все дивиденды, заставила их ступить на западный берег Рейна. В январе 1814 г. Барклай де Толли писал, что «твердости и неуклонности нашего императора, выносливому терпению и неутомимому попечению его мы обязаны этим еще никогда невиданным феноменом, что такая огромная и сложная коалиция до сей поры существует и с энергией преследует все ту же цель».

При вступлении во Францию Александр I, думавший не только о военных и политических победах, но и о нравственной стороне происходивших событий, обратился к своим воинам с призывом не уподобляться врагам, причинившим России «много зла», а проявить по отношению к французам умеренность и христианское милосердие. «Я уверен, – писал император, – что вы кротким поведением своим в земле неприятельской столько же победите ее великодушием своим, сколько оружием».

Русская армия, воспитанная в православных традициях, действительно вела себя во Франции очень корректно. Высокая

культура русских военных и особенно знание многими из них французского языка несказанно удивляли местное население, ожидавшее увидеть «дикарей» и «варваров», образ которых на протяжении последних десяти лет упорно создавался наполеоновской пропагандой. «Вы не русские, вы, верно, эмигранты», – говорили французы русским офицерам.

Александр I со свитой. Художник Л. Поль.

Наполеоновская армия отчаянно сопротивлялась, но союзные войска продвигались вглубь Франции. В марте 1814 г. Наполеон попытался отвлечь противника от столицы, двинувшись на Жуанвиль, однако Александр предложил не преследовать французского императора главными силами, а повернуть их на Париж, что в конечном итоге и решило исход кампании. По признанию самого Александра, на совете в Сомпюи, где обсуждался этот вопрос, он почувствовал «непреоборимое желание предать это дело в полную волю Божию». Император удалился с совета, чтобы помолиться, после чего ощутил спокойствие и уверенность в правильности своего намерения.

Набожность, великодушие, милосердие к побежденному врагу составляли в то время главные черты характера Александра I, сочетаясь при этом с твердостью, решительностью и мужеством. Например, 13 марта 1814 г. в сражении при Фер-Шампенуазе, считающемся днем славы русской гвардейской кавалерии, сумевшей окружить и разгромить две французские пехотные дивизии, российский император с риском для собственной жизни бросился с конвоем в центр французских каре, чтобы остановить резню и «пощадить» поверженных солдат противника. Перед вступлением в Париж Александр принял городскую депутацию, в обращении к которой подчеркнул, что во Франции у него есть «только один враг» (Наполеон) и что он не желает зла французскому народу. Российский император обещал взять город под свою защиту, расположить в нем только элитные армейские подразделения и предоставить населению возможность обзавестись таким правительством, которое обеспечит покой как Франции, так и Европе.

К. Шварценберг докладывает союзным монархам о победе в сражении при Лейпциге. Художник И. П. Крафт.

Многие современники, особенно французы, ожидали в то время мести Парижу за сожженную Москву. Поэтому благородное поведение победителей вызывало нескрываемое изумление. Общее настроение выразил в то время юный А. С. Пушкин в лицейском стихотворении «Воспоминания в Царском Селе»:

В Париже росс! – где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он – несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

Въезд Александра I во главе союзных войск в Париж 19 марта 1814 г. стал апогеем его величия и славы. Уставшие от бесконечных войн французы, наполнявшие улицы, кровли и окна домов, встречали своих вчерашних врагов с неподдельной радостью, приветствуя их как освободителей. Особый энтузиазм парижан вызывал молодой, красивый, улыбавшийся русский царь. Повсюду были слышны крики: «Да здравствует император Александр! Да здравствуют русские!»

Капитуляция Парижа 31 марта 1814 г. Неизвестный художник.

В Париже Александр I провел два месяца. В это время он сыграл главную роль в определении дальнейшей судьбы Франции. Наполеон отрекся от престола и переехал на остров Эльба, который был отдан ему во владение. Союзники хотели применить к нему более жесткие меры, но Александр и в этом вопросе проявил благородство и великодушие. На французском престоле была восстановлена династия Бурбонов, причем Людовик XVIII под влиянием Александра, полагавшего неправомерным прямой возврат к «старому режиму», даровал народу конституцию. При обсуждении условий первого Парижского мирного договора, подписанного 18 мая 1814 г., Александр, верный идее «европейского равновесия», поддержал возвращение Франции к границам 1792 г., но не допустил ее максимального ослабления и обременения выплатой контрибуции.

Вступление союзных монархов в Париж 19 марта 1814 г. Художник А. Д. Кившенко.

Во время пребывания в Париже Александр I был предметом всеобщего поклонения. Каждое его появление на публике вызывало бурю восторга и нескончаемые приветствия. При этом, по свидетельству очевидца событий Н. И. Тургенева, «других государей практически не замечали». Александра называли «северным Агамемноном», «царем царей», «императором Европы», «спасителем Вселенной», «ангелом мира». Завидуя популярности русского царя среди французского населения, Людовик XVIII назвал его «маленьким королем Парижа». В общении с Александром неблагодарный французский монарх неоднократно проявлял неуместное высокомерие, чем окончательно разочаровал нашего героя. Показательны выражения российского императора после встреч с ним: «Мы, северные варвары, более вежливы у себя дома»; «Можно подумать, что это он возвратил мне утраченный престол».

В конце мая Александр покинул Париж и после кратковременного пребывания в Лондоне 13 июля 1814 г. вернулся в Санкт-Петербург. На родине ему готовили торжественную встречу, для которой были построены великолепные Триумфальные ворота, а также разработан подробнейший церемониал, предусматривавший трехдневные празднества с пушечной пальбой, колокольным звоном и

иллюминацией. Однако император, считавший, что лишь «Всевышний причиной знаменитых происшествий, довершивших кровопролитную брань в Европе», заставил столичные власти отменить все планируемые мероприятия. В результате праздник в честь венценосного победителя состоялся только в Павловске. На его устройство, несмотря на запрет Александра I, решилась вдовствующая императрица Мария Фёдоровна.

3 августа 1814 г. Святейший Синод, Государственный совет и Сенат на общем собрании постановили: в качестве выражения «дани всеобщей признательности за прославление Отечества» поднести императору титул «Благословенный», выбить в его честь медаль и воздвигнуть в столице памятник. Однако Александр из «чувств скромности и смирения духа» попросил оставить вынесенное постановление «без всякого исполнения». «Да соорудится мне памятник в чувствах ваших… Да благословляет меня в сердцах своих народ мой… Да благоденствует Россия, и да будет надо мною и над нею благословение Божие», – ответил император.

Победа над Наполеоном действительно была воспринята Александром I как результат действия Божественного Провидения, избравшего своим орудием Россию и его самого. Еще в феврале 1813 г. император распорядился поместить на реверсе серебряной медали, учрежденной для участников Отечественной войны, библейскую фразу «Не нам, не нам, а имени Твоему». 30 августа 1814 г. «для принесения Всемогущему Богу теплых и усердных молитв за избавление державы нашей от лютого и сильного врага» Александр постановил проводить в день Рождества Христова ежегодное празднество под названием «Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминание избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов, и с ними двадесяти язык».

Окончание наполеоновских войн рассматривалось Александром как начало обновления всей Европы. Проникнувшись сознанием благодати, осенившей Россию, он решил положить в основание международных отношений нравственные и религиозные принципы. С такими идеями в сентябре 1814 г. Александр отправился на Венский международный конгресс.

Творец Священного союза

Собравшийся в Вене международный конгресс был призван решить спорные проблемы, обсуждение которых было отложено до окончательной победы над Наполеоном. По сути, речь шла о переделе границ и закреплении новой расстановки сил в Европе. Важность и сложность стоявших на повестке дня вопросов обусловили продолжительность и представительность мероприятия. Вместо планировавшихся шести недель конгресс заседал три четверти года (с сентября 1814 г. по май 1815 г.). На нем присутствовали два императора, четыре короля и более двухсот представителей правящих династий мелких европейских государств. Официальные заседания чередовались с балами, концертами и другими празднествами, что позволило современникам назвать этот конгресс танцующим. Сложившаяся обстановка способствовала интеллектуальным беседам и любовным интригам: «сущий прельститель» Александр I, несмотря на присутствие супруги Елизаветы Алексеевны, завоевал сердца сразу нескольких знатных дам; великая княгиня Екатерина Павловна, овдовевшая в 1812 г., покорила принца Вильгельма Вюртембергского, который вскоре стал ее вторым мужем.

Разумеется, увеселения были лишь внешней стороной Венского конгресса, внутреннюю составляла напряженная дипломатическая работа. Земельный передел европейских владений накалял атмосферу и усиливал противоречия между великими державами. Наиболее резкие споры вызвали польский и саксонский вопросы, разделившие недавних союзников на два лагеря: Россия, Пруссия и Австрия, Англия. Основным требованием Александра I была передача России герцогства Варшавского, что способствовало бы усилению безопасности западных границ страны. Император считал это справедливым, учитывая решающий вклад русских войск в разгром Наполеона и великие жертвы, понесенные государством в ходе войны. Австрия и Англия, обеспокоенные ростом влияния России на международной арене, не поддержали требование царя. Кроме того, Австрия выступила против претензий Пруссии на часть Саксонии, выдвинутых при помощи Александра.

Противоречиями в стане союзников воспользовался Ш. М. Талейран, представлявший на конгрессе Францию. Этот ловкий и беспринципный дипломат, выступивший защитником принципа легитимизма (законности), сначала добился для своей побежденной страны (как старейшей монархии в Европе) статуса

равноправного участника на переговорах, а затем за спиной Александра I договорился о заключении секретного военно-политического союза Англии, Австрии и Франции, направленного против России и Пруссии. Этот договор, подписанный 22 декабря 1814 г., фактически разрушил победоносную коалицию, поставив бывших союзников на волосок от войны друг с другом.

Тучи сгущались, переговоры затягивались, но ситуацию в одночасье изменило внезапное возвращение Наполеона, ознаменовавшее наступление знаменитых «Ста дней». 17 февраля 1815 г. Бонапарт с небольшим отрядом гвардии высадился в бухте Жуан на южном побережье Франции. Посланные французские войска без единого выстрела перешли на его сторону, и 8 марта бывший император триумфально въехал в Париж. Стремясь нарушить единство своих противников, Наполеон послал Александру I экземпляр договора от 22 декабря 1814 г., обнаруженный им в кабинете бежавшего короля Людовика XVIII. Ознакомившись с содержанием документа, Александр в полной мере осознал справедливость изречения, неоднократно повторяемого им в течение жизни: «Людская благодарность так же редко встречается, как белый ворон». Тем не менее российский император в очередной раз проявил благородство. Показав полученную бумагу остолбеневшему Меттерниху, не сумевшему найти аргументов в свое оправдание, Александр бросил ее в огонь, предложив забыть «об этом предмете» и сплотить союз, который «должен быть теперь крепче, нежели когда-либо».

Венский конгресс. Неизвестный художник.

13 марта Россия, Англия, Австрия и Пруссия образовали новую, 7-ю антинаполеоновскую коалицию, пригласив все европейские государства присоединиться к ней. В тот же день была принята декларация, объявлявшая Наполеона вне закона.

Появление общей опасности, вновь сплотившее союзников, позволило им наконец достичь компромисса по спорным вопросам. 28 мая 1815 г. был подписан Заключительный акт Венского конгресса, определивший послевоенное устройство европейских государств. Державы-победительницы разделили значительную часть наполеоновского наследства. Самое большое территориальное приобретение сделала Австрия – 2300 кв. миль. Пруссия получила 2217 кв. миль, Россия – 2100 кв. миль. В соответствии с желанием Александра I в состав России вошла большая часть герцогства Варшавского. Этому региону, получившему наименование царства Польского, наш герой был намерен даровать особый правовой статус и конституцию. К своим регалиям российский император добавил титул царя Польского.

6 июня 1815 г. армия Наполеона потерпела сокрушительное поражение от англо-прусских войск в битве под Ватерлоо. Русская армия, двигавшаяся к французским границам из Польши, не успела принять участие в сражении. Наполеон вернулся в Париж, где под давлением оппозиции подписал вторичное отречение от престола.

25 июня французскую столицу заняли союзные войска. Через три дня по просьбе английского герцога А. У. Веллингтона туда прибыл Александр I, чтобы «положить конец запутанности дел». Для этого российский император в сопровождении небольшого эскорта проскакал около 200 верст по французской территории, еще не контролируемой союзными войсками.

Бал во время Венского конгресса. Художник И. Хохле.

8 ноября 1815 г. был подписан второй Парижский мирный договор, ставший для Франции гораздо более тяжелым, чем первый. Страна была возвращена к границам 1790 г. и обременена выплатой контрибуции в размере 700 млн франков. На французской территории на пять лет оставались оккупационные союзные войска численностью в 150 тысяч человек. Первоначальные требования союзников были еще более жесткими, но Александру I, заботившемуся о сохранении баланса сил, удалось их смягчить. Позднее пэр Франции граф Л.-М. Моле написал в своих мемуарах: «В 1815 г. Россия защищала от всех, не скажу даже интересы, но само существование нашей несчастной родины…Она рассматривала нас как своего естественного союзника и наилучшую опору для того, чтобы оспаривать у Англии господство над миром».

Наполеону союзники также вынесли более суровый приговор. Он был выслан на остров Святой Елены, затерянный в Атлантическом океане.

Во время своего второго пребывания в Париже Александр I предпринял первую в мировой истории попытку реализовать

политическую концепцию «объединенной Европы». Эта концепция о возможности обеспечения «вечного мира» путем объединения политических усилий основных европейских государств в той или иной форме высказывалась прежде в трудах европейских и российских мыслителей (У. Пенна, Ш. Сен-Пьера, Ж.-Ж. Руссо, В. Ф. Малиновского и др.). В процессе борьбы с Наполеоном Александр всерьез увлекся «европейской идеей». Придав ей вполне определенные политические очертания и религиозную окраску, он решил претворить ее в жизнь после завершения работы Венского конгресса.

14 сентября 1815 г., в день праздника Воздвижения Креста Господня, по инициативе Александра I монархи России, Австрии и Пруссии подписали акт о Священном союзе, в котором были изложены новые принципы международных отношений. По сути, для послевоенной Европы российским императором была разработана программа мирного сосуществования, предусматривавшая сохранение европейского равновесия и укрепление правовых основ «венской системы» международных отношений (сложившегося баланса сил, незыблемости форм правлений и установленных границ). Добровольный союз заключался европейскими монархами для обеспечения стабильности и коллективной безопасности, а также для совместного решения основных международных проблем. Одной из побудительных причин для подписания этого коллективного договора, несомненно, явилась боязнь повторения кровавых событий, подобных Французской революции и последовавших за ней наполеоновских войн.

Проект акта о Священном союзе был написан Александром I, затем К. Меттерних по поручению Франца I внес в него некоторые поправки. В этом документе Франц I, Фридрих-Вильгельм III и Александр I, признавая защиту Божественным Провидением своих государств во время наполеоновского нашествия, и следуя «внутреннему убеждению», выражали «непоколебимую решимость» руководствоваться в своей внутренней и внешней политике «заповедями святой веры» – «любви, правды и мира». Три монарха объявлялись соединенными «узами действительного и неразрывного братства» и обещали «во всяком случае и во всяком месте подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь». Австрия, Пруссия и Россия были названы «тремя единого семейства отраслями», их государи – правителями, поставленными над ними Иисусом Христом, а подданные союзных государств – «как бы членами единого народа христианского». Все державы, желающие признать изложенные в акте принципы, приглашались вступить «в сей священный союз».

Таким образом, Австрия, Пруссия и Россия рассматривались Александром I как основа для создания в дальнейшем широкого мирного содружества христианских европейских государств. В течение 1815–1817 гг. к Священному союзу присоединились почти все европейские государи (за исключением турецкого султана, как не христианина, английского короля и Папы Римского).

Среди современников и исследователей распространено мнение, что массовое присоединение к Священному союзу было вызвано не столько согласием с его принципами, сколько отсутствием у его новых членов четкого понимания смысла этого документа, а также желанием угодить России и страхом перед ней и ее союзниками. По выражению графини Эдлинг, идея Александра, «быть может, слишком возвышенная для большинства государей, не была понята и превратила императора в глазах одних в фанатика и слабоумного, а в глазах других в ловкого и хитрого макиавеллиста».

Попытка Александра I «объединить Европу» породила на международной арене различные толкования, зачастую слишком далекие от сути. Преобладали два представления: акт о Священном союзе является простой религиозно-нравственной декларацией, порожденной фантастической мечтой русского императора и не имеющей практического значения; он представляет собой ловко придуманное орудие для распространения в Европе реакции и усиления влияния России. Например, Турция сразу высказала свои опасения, что союз будет направлен против нее, так как она в принципе была исключена из состава его возможных членов как нехристианская держава.

Чтобы пресечь превратные слухи, 25 марта 1816 г. Александр I в циркулярной ноте был вынужден официально заявить: «Союз никому не угрожает, и никто не вынужден приступить к нему. На нем только должны покоиться незыблемые основы европейского мира и общего благополучия».

При жизни Александра I состоялось четыре международных конгресса, которые были восприняты современниками и вошли в историографию как конгрессы Священного союза, поскольку руководствовались его принципами. Все они были направлены на совместное решение текущих международных проблем. Первый конгресс – Ахенский (1818 г.) решил вопрос о досрочном выводе из Франции всех оккупационных войск, о порядке выплаты французским правительством контрибуции, а также о дальнейшем статусе Франции на международной арене. Три последующих конгресса – Троппауский (1820 г.), Лайбахский (1821 г.) и Веронский (1822 г.) были направлены на организацию

противодействия революционным движениям в Неаполитанском королевстве и в Испании. Волна буржуазных революций, прокатившаяся по Европе в начале 1820-х гг., создавала опасность распространения революционных выступлений и могла отразиться на прочности всей «венской системы» международных отношений. Попытки Священного союза защитить европейские легитимные устои были восприняты в дальнейшем рядом советских и западных историков как реакция. Подобные оценки начали появляться еще в 1820-х гг. В 1827 г. Гёте писал по этому поводу: «Миру необходимо ненавидеть что-нибудь великое, что и было доказано его суждением о Священном союзе, хотя никогда еще не было задумано ничего более великого и более благодетельного для человечества! Но чернь этого не понимает. Величие связано с неудобствами». Лишь в последние десятилетия создание Священного союза стало оцениваться объективно.

Несомненно, в начале XIX в. политическая концепция объединенной Европы опережала свое время, поскольку не подкреплялась экономической заинтересованностью государств в таком объединении. И тем не менее эту первую в истории попытку реализации «европейской идеи» в целом нельзя назвать неудачной. Благодаря разработанной Александром I программе мирного сосуществования и совместного решения основных международных проблем европейские государства не только справились с революционной волной первой половины 1820-х гг., но затем еще в течение 40 лет смогли избежать крупных войн. Наконец, миротворческий и интеграционный проект Александра I создал предпосылки для современного претворения «европейской идеи» в жизнь.

Конец царствования

Решив проблемы внешней политики, Александр вновь вернулся к реформам внутри страны. 15 ноября 1815 г. он даровал конституцию царству Польскому, вошедшему в состав России по решению Венского конгресса. Этот законодательный акт, названный на французский манер Конституционной хартией, закрепил за новым регионом страны определенную автономию и отдельные элементы польской государственности. Александр, стремившийся реализовать свои либеральные взгляды, играл активную роль на всех этапах работы по подготовке документа.

Прежде всего конституция констатировала, что «царство Польское навсегда присоединено к Российской империи». «Узами», «укрепляющими это присоединение», объявлялось установление общей правящей наследственной династии в лице российского императора, провозглашенного также польским царем, и общность внешней политики.

В конституции теоретически был заложен принцип разделения властей, хотя власти не были независимы одна от другой и не обладали полномочиями равного уровня. Вся полнота исполнительной и административной власти принадлежала царю, особа которого объявлялась «священной и неприкосновенной». Царь обладал исключительным правом объявлять войну и заключать мир, ему полностью подчинялась армия царства Польского. Законодательная власть принадлежала царю и Сейму, состоявшему из двух палат. Первая образовывалась из Сената, вторая – из послов, избранных сеймиками (т. е. собраниями дворянства), и депутатов от гмин (волостей). Сейм не обладал законодательной инициативой, но он обсуждал все законопроекты, которые затем утверждались царем. Монарх имел право наложить вето на одобренный Сеймом проект. Он мог отсрочить созыв очередного Сейма (собирался в Варшаве каждые два года), распустить его, а также созвать чрезвычайный (внеочередной) Сейм, «когда признает нужным». Во время коронации царь приносил клятву сохранять Конституционную хартию и требовать ее соблюдения, однако при этом он мог изменить ее по своему усмотрению посредством Органических статутов.

Судебная власть объявлялась «конституционно независимой». Под независимостью судьи понималась «присвоенная ему свобода высказывать свое мнение при разборе дел, не подчиняясь влиянию ни высшей власти, ни власти министров или каким бы то ни было другим соображениям». Судьи назначались царем и

были «несменяемы пожизненно». Отстранение судьи от должности было возможно только в случае совершения им преступления, доказанного в суде.

Конституция закрепила ряд демократических прав и свобод: равенство всех перед законом, независимо от «сословия и звания», право частной собственности, свободу личности, печати, вероисповедания. Впервые в истории законодательства Российской империи легально был закреплен принцип народного представительства. И хотя избирательное право носило сословно-ограниченный характер, предоставляя возможность участвовать в выборах в основном дворянам, представителям буржуазии и художественной элите, само наличие парламента, избираемого прямыми выборами, было прогрессивным явлением для того времени. Закон демонстрировал также уважение к историческим традициям Польши: все гражданские и военные должности могли занимать исключительно поляки, в армии, сохранившей национальные цвета обмундирования, и в государственных учреждениях использовался польский язык.

Александр I. Художник Дж. Доу

Конституционная хартия царства Польского была одной из самых либеральных европейских конституций того времени и наряду с самим фактом присоединения к России польских земель способствовала развитию экономики и культуры в данном регионе. По признанию ряда польских историков,

пятнадцатилетняя история царства Польского была «содержательной, важной и славной».

В русском обществе польская политика Александра I встретила практически всеобщее неодобрение. Дарование вчерашнему противнику, воевавшему под знаменами Наполеона, невиданных россиянами гражданских и политических свобод вызвало раздражение против поляков и ощущение унижения победителей. Варшавская речь императора в марте 1818 г. при открытии первого польского Сейма, в которой он намекнул на возможное присоединение к царству Польскому части западных губерний России и заявил о своем намерении распространить на всю империю польский «конституционный эксперимент», имела огромный резонанс, вызвав у русских чувство ущемления национального достоинства. Антипольские настроения охватили как консервативные, так и либеральные круги. Даже те, кто мечтал о конституции в России, опасались получить ее, по выражению Н. И. Тургенева, из «грязного источника», исходя из стереотипного образа Польши как отсталого государства, где царит анархия. Против усиления царства Польского за счет западных губерний России резко выступил Н. М. Карамзин в послании к императору под названием «Мнение русского гражданина», которое отразило настроение просвещенного российского большинства. Польский вопрос стимулировал создание первых декабристских организаций.

Алексей Андреевич Аракчеев. Художник Дж. Доу

В то же время оппозиционные настроения росли и в самом

царстве Польском, где многие, не довольствуясь тем, что получили, мечтали о восстановлении суверенного Польского государства в границах 1772 г. Поляки стали одним из самых неблагонадежных национальных меньшинств империи. В 1830–1831 гг., уже после смерти Александра I, они подняли восстание против царской власти, после подавления которого новый император Николай I фактически отменил конституцию 1815 г., заменив ее на Органический статут царства Польского 1832 г., объявивший данный регион нераздельной частью Российского государства и упразднивший существовавшие ранее элементы польской государственности (Сейм, польскую армию и др.).

В 1818–1820 гг. по распоряжению Александра I группа лиц под руководством Н. Н. Новосильцева тайно работала в Варшаве над проектом российской конституции. Осенью 1820 г. ее окончательный вариант под названием «Государственная уставная грамота Российской империи» был готов и получил одобрение императора. Документ имел значительное сходство с польской конституцией. В нем также были заложены принципы разделения властей и народного представительства. Законодательная власть принадлежала императору и двухпалатному парламенту – Государственному сейму (Государственной думе). Первой (высшей) палатой этого представительного органа становился Сенат, вторая (посольская) палата была выборной и формировалась из земских послов и депутатов окружных городских обществ. Законодательная инициатива и право утверждения законопроектов принадлежали исключительно императору. Сейм обсуждал все законопроекты и имел право большинством голосов либо одобрить их, либо отклонить. Кроме того, он утверждал государственный бюджет. Проект конституции предусматривал принцип федеративного устройства государства. Вся территория Российской империи должна была делиться на наместничества, которые, в свою очередь, делились на губернии, уезды и округа. В наместничествах учреждались свои частные Сеймы, также состоявшие из двух палат. Сеймы наместнических областей созывались каждые три года, общий Государственный сейм – каждые пять лет. Избирательные права предоставлялись дворянам, купцам первых двух гильдий, цеховым мастерам, «именитым гражданам», а также горожанам, имевшим недвижимую собственность.

Главой исполнительной власти «Уставная грамота» провозглашала императора. Центральными административными органами были названы Государственный совет (состоявший из Правительного совета, или Комитета министров, и Общего

собрания совета) и министерства. На местах исполнительная власть передавалась наместникам и Советам наместничеств. Судебная власть объявлялась независимой. Вводились три категории судебных органов: Верховный государственный суд и Верховные суды наместничеств; апелляционные суды; суды первой инстанции. При этом право императора на помилование фактически ставило его над всей судебной системой.

В проекте конституции провозглашался целый ряд гражданских свобод: слова, печати, вероисповедания (правда, православие оставалось господствующей религией, а политическое и гражданское равноправие было предусмотрено только для христиан), равенство всех перед законом, неприкосновенность личности, право частной собственности.

Несмотря на достаточно консервативный характер конституции, Александр I так и не подписал манифест о введении ее в действие. Текст «Государственной уставной грамоты Российской империи», составленный на двух языках (русском и французском), стал известен уже после смерти императора, когда во время польского восстания 1830–1831 гг. был обнаружен в бумагах Новосильцева.

Примерно так же обстояло дело и с осуществлением намерения Александра отменить крепостное право. В 1816–1819 гг. личную свободу получили крестьяне трех западных губерний – Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Решение вопроса в данном регионе упрощалось тем, что с инициативой освобождения крестьян выступили сами прибалтийские помещики.

Почти в то же самое время (в 1817–1818 гг.) Александр поручил сразу нескольким государственным деятелям, в том числе А. А. Аракчееву и министру финансов Д. А. Гурьеву, подготовить предложения по отмене крепостного права в России. Большинство проектов строилось на принципах постепенного и добровольного освобождения крепостных. Например, Аракчеев предложил создать специальную комиссию, которая, получая ежегодную дотацию в пять миллионов рублей, выкупала бы землю и крестьян у помещиков, согласных их продать. В 1818 г. для более детального обсуждения крестьянского вопроса Александр I учредил Секретный комитет во главе с Д. А. Гурьевым. Однако ни один из предложенных проектов не только не был реализован, но даже не вынесен на рассмотрение Государственного совета или Комиссии составления законов.

Крестьянский вопрос еще более обостряли военные поселения, упорно насаждавшиеся в стране с 1816 г. Идеей создания военизированных сельских поселений, состоявших на

самообеспечении, Александр увлекся еще в 1810 г., поскольку это давало возможность сократить расходы на содержание армии. Тогда же был брошен первый пробный камень: в Могилевской губернии был поселен один батальон Елецкого мушкетерского полка, солдаты которого сочетали военную службу с занятием сельским хозяйством. Коренные жители избранной для поселения местности были переселены в Новороссийский край. Война 1812 года прервала этот эксперимент, после победы он продолжился в широких масштабах и уже на несколько иных началах. По поручению императора граф Аракчеев, назначенный непосредственным исполнителем данного мероприятия, разработал проект устройства военных поселений, предусматривавший обращение в военных поселян не только регулярных солдат, размещенных на выбранных для этого землях, но также проживавших там государственных крестьян и казаков, которые помимо земледельческих работ должны были также принимать участие в военных учениях. Эти крестьяне освобождались от уплаты казенных податей, исполнения рекрутской и других повинностей, но обязывались обеспечивать поселенные полки продовольствием и фуражом, а также комплектовать их способными к службе людьми. Солдаты действующих воинских частей, в свою очередь, должны были помогать им обрабатывать земельные участки. Осуществление проекта позволяло не только сократить расходы на содержание действующей армии, но и в случае необходимости увеличить ее в несколько раз за счет подготовленных резервов. Кроме того, солдаты получали возможность во время службы проживать со своими семьями.

Одним из первых в 1816 г. был поселен батальон гренадерского графа Аракчеева полка. Педантичный и исполнительный Аракчеев приложил немало усилий, чтобы сделать это поселение образцовым. Согласно его отчету опыт оказался удачным, поэтому в дальнейшем был проведен целый ряд поселений различных родов войск. К концу царствования Александра I на новое положение было переведено около трети всей регулярной армии.

С экономической точки зрения военные поселения себя полностью оправдывали. В них царили чистота и образцовый порядок, были построены двухэтажные дома, школы, лазареты, создан заемный банк, организовано обеспечение инвалидов. Александр I был от них в восторге, М. М. Сперанский называл их «чудесными», Н. М. Карамзин – «удивительными». Однако при наличии ряда несомненных плюсов военные поселения имели и отрицательные стороны, которые в глазах самих поселян

перечеркивали едва ли не все положительное. Главными из них были: «пожизненная военная служба», то есть обращение поселян в постоянное военное сословие, невыносимо строгая, мелочная регламентация их быта, а также жесткая система штрафов и наказаний, предусмотренных за различные провинности.

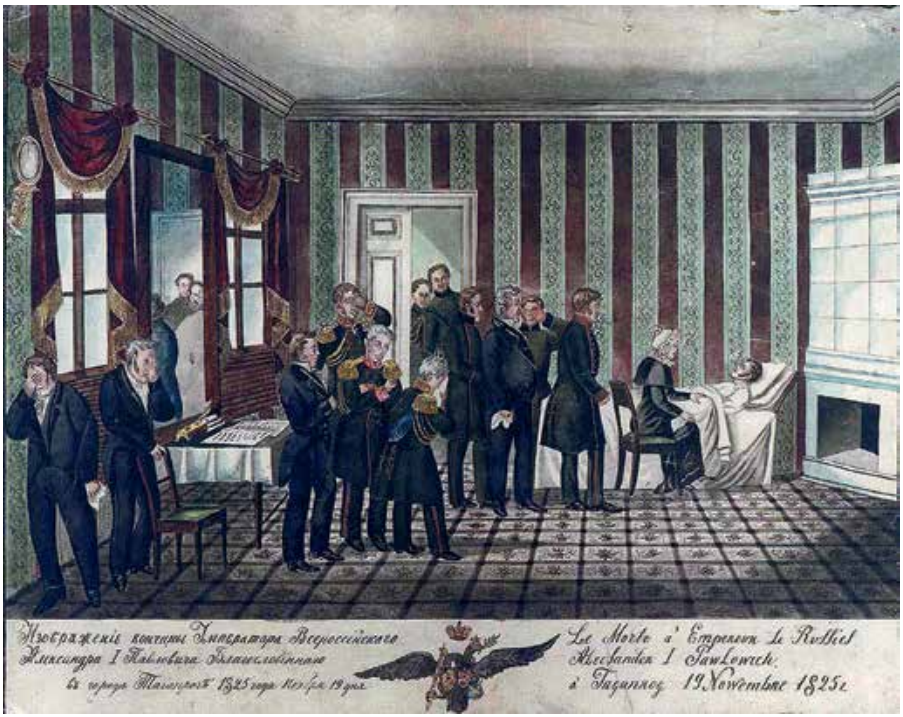
Время от времени в военных поселениях вспыхивали волнения, участники которых требовали вернуть их в «прежнее состояние», изгоняли или убивали своих начальников. Наиболее крупным было восстание Чугуевского и Таганрогского уланских полков, состоявшееся летом 1819 г. в Слободско-Украинской губернии. Выступление было жестоко подавлено, 275 человек были приговорены военным судом к наказанию шпицрутенами (прогнаны сквозь строй).

Насаждение военных поселений и некоторые другие непопулярные в обществе меры, добросовестно проводившиеся в жизнь бесконечно преданным императору Аракчеевым, вошли в историю под мрачным названием «аракчеевщина». Жесткий и требовательный характер «Силы Андреевича», а также почти безграничное доверие к нему со стороны Александра I, сделавшего его основным докладчиком по всем важнейшим вопросам, вызывали у царедворцев колоссальную зависть и неприязнь. В результате в мемуарной, а затем и в исторической литературе постепенно сформировался чрезмерно преувеличенный негативный образ «всесильного временщика», являвшегося проводником якобы реакционной политики последних лет правления Александра. Современные исследователи отказываются от традиционной оценки А. А. Аракчеева и рассматривают военные поселения как рациональный элемент реформаторства Александра I.

Конечно, конец царствования нашего героя был несколько более консервативным, чем либеральное начало его правления, но назвать его реакционным было бы неправомерно. В ближайшем окружении императора продолжали разрабатываться проекты реформ центрального и местного управления; Комиссия составления законов работала над кодификацией российского законодательства. Многие идеи и проекты, задуманные Александром, стали фундаментом для преобразований, осуществленных впоследствии императорами Николаем I и Александром II. Практически не изменились и взгляды царя. «А все-таки, что бы ни говорили обо мне, я жил и умру республиканцем», – заявил он за три недели до своей смерти.

Почему же Александр I не довел до конца реформы, над которыми работал почти весь период своего царствования? Долгое время в исторической литературе существовало два

традиционных объяснения. Первое: слабовольный император оказался не в состоянии справиться с сопротивлением дворянства. Второе: отдавая дань духу времени, Александр лишь «заигрывал с либерализмом», не собираясь на деле проводить преобразования. Лишь в последние годы появился более объективный и взвешенный взгляд: Александр I опередил свое время, страна и общество не были готовы к восприятию задуманных им реформ. Постоянно сталкиваясь с упорным сопротивлением подавляющего большинства дворянства, а также глубже узнавая российскую действительность, император окончательно понял это в начале 1820-х гг.


Изображеніе кончины Императора Всероссійскаго
Александра I Павловича. Благословенная
въ городѣ Таганрогѣ 1825 года Ноября 19 дня.
Le Morte d' Empereur Le Russie
Alexandre I Saw Lowich.
à Taganrog 19 Novembre 1825.

Смерть императора Александра I в Таганроге. Неизвестный художник.

Крушение реформаторских замыслов обернулось для Александра духовным кризисом, еще более осложнявшимся постоянными терзаниями совести из-за участия в убийстве отца. Он начал тяготиться престолом, неоднократно высказывал мысль о возможном отречении. Угнетенному состоянию императора способствовали также две личные трагедии, от которых он так и не смог оправиться. В январе 1819 г. в возрасте тридцати лет умерла его любимая сестра Екатерина Павловна. А в июне 1824 г. накануне свадьбы скончалась от чахотки его обожаемая 16-летняя

дочь Софья, рожденная от связи с М. А. Нарышкиной. По свидетельству близких к императору людей, смерть дочери была воспринята им как наказание за его собственные прегрешения. Елизавета Алексеевна разделила с Александром его горе. Она совершенно искренне скорбела о юной девушке, которую, как и Д. Л. Нарышкин, смогла полюбить. Венценосная чета наконец сблизилась. Однако здоровье императрицы ухудшалось. Летом 1825 г. врачи рекомендовали ей провести предстоящую зиму в теплых краях с мягким климатом. Александр и Елизавета стали готовиться к совместной поездке на отдых. Обсуждались Италия, Франция, юг России. После долгих дискуссий выбор пал на Таганрог – российский город на берегу Азовского моря.

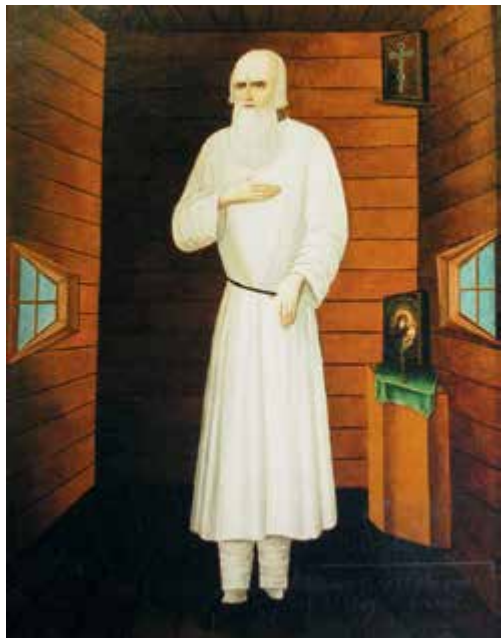
Эта поездка, начало которой было идиллическим (супруги провели спокойный романтический месяц в доме, подготовленном для них архитектором Шарлеманем), закончилась катастрофой. В октябре 1825 г. Александр по приглашению новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова посетил Крым, откуда вернулся в Таганрог сильно простуженным. С каждым днем он чувствовал себя все хуже, но при этом далеко не всегда выполнял назначения врачей. Императору был поставлен диагноз: желудочно-желчная лихорадка. 19 ноября 1825 г. Александр I скончался.

«Наш ангел в небесах», – сообщила Елизавета Алексеевна матери Александра Марии Фёдоровне. Эта фраза мгновенно облетела всю Россию, ее печатали в некрологах, помещали на многочисленных изображениях почившего императора. Тело Александра было перевезено в Санкт-Петербург и 13 марта 1826 г. захоронено в Петропавловском соборе.

Елизавета Алексеевна оставалась в Таганроге до конца апреля 1826 г., так как состояние ее здоровья, вновь ухудшившееся из-за пережитого потрясения, исключало возможность переезда. Овдовевшая императрица была в отчаянии. Она писала своей матери, что испытывает «непрерывное страдание» и не знает, «как устроить теперь свою жизнь». На обратном пути из Таганрога в ночь на 4 мая 1826 г. императрица скончалась в Белёве, уездном городе Тульской губернии. Таким образом, Елизавета Алексеевна, всю жизнь тихо находившаяся в тени своего выдающегося супруга, пережила его менее чем на полгода. Как написал о ней впоследствии великий князь Николай Михайлович, «облик этот служил дополнением “сфинкса, не разгаданного до гроба”, путницей которого ей суждено было быть. И когда звезда погасла – исчез и млечный путь».

Неожиданная смерть Александра I, а также загадочные

обстоятельства, сопровождавшие его отъезд из Петербурга (например, долгая молитва перед гробницей Александра Невского и др.), вскоре породили у современников версию о том, что на самом деле он не умер, а, оставив трон и светскую жизнь, стал странником по имени Фёдор Кузьмич.



Преподобный старец Федор Кузьмич (Томский). Неизвестный художник.

Первые сведения о Фёдоре Кузьмиче относятся к осени 1836 г., когда в Пермской губернии, в окрестностях Красноуфимска, был схвачен подозрительный крестьянин, утонченные манеры которого составляли контраст с его убогой одеждой. Странник назвался Фёдором Кузьмичом и заявил, что не помнит своего родства. Его наказали плетьми за бродяжничество и сослали на поселение в Томскую губернию. Там, несколько раз меняя место жительства, 20 января 1864 г. старец скончался на заимке С. Ф. Хромова в четырех верстах от Томска. 23 января он был похоронен в томском Богородице-Алексеевском монастыре. Современников, знавших императора Александра и старца Фёдора Кузьмича, поражало их удивительное сходство. Похожими были не только возраст, рост и черты лица, но даже сутулость и глухота на левое ухо. Кроме того, старец обладал обширными познаниями, говорил на иностранных языках, был прекрасно осведомлен о столичной и даже придворной жизни. Он хранил в тайне свое настоящее имя, вел уединенный образ жизни, был

чрезвычайно набожен, но никогда не исповедовался и не причащался, говоря загадочно, что не может ходить к причастию, потому что уже отпет. В 1984 г. Феодор Томский был канонизирован Русской Православной Церковью как местночтимый святой.

Памятник Александру I в Москве. Скульптор С. А. Щербаков.

Версия о тождестве Александра I и Фёдора Кузьмича, не будучи ни доказанной, ни опровергнутой, существует в историографии на уровне легенды. У нее есть масса сторонников и масса противников. На эту тему сломано немало копий, написаны десятки трудов, но вопрос до сих пор остается открытым. Точный ответ на него сможет дать лишь генетическая экспертиза. Однако независимо от ее результатов можно сказать, что легенда о Фёдоре Кузьмиче стала тем самым «памятником в чувствах и сердцах народа», о котором в свое время говорил император Александр I, пытаясь отказаться от присвоения ему титула «Благословенный» и сооружения в его честь монумента. В культурной памяти России образ Благословенного императора – победителя Наполеона – логично дополнился образом святого старца.

Главные даты[1] жизни императора Александра I

1777 г.
12 декабря
Рождение в Зимнем дворце.

20 декабря
Крещение в большой церкви Зимнего дворца.

10 июня 1784 г.
Представление Ф. С. Лагарпом императрице Екатерине II записки о воспитании великих князей.

28 сентября 1793 г.
Женитьба на великой княгине Елизавете Алексеевне, урожденной принцессе Баденской Луизе-Марии-Августе.

6 ноября 1796 г.
Смерть бабушки, императрицы Екатерины II.

18 мая 1799 г.
Рождение дочери, Марии Александровны.

27 июля 1800 г.
Смерть дочери, великой княжны Марии Александровны.

1801 г.
12 марта
Дворцовый переворот; смерть отца, императора Павла I; вступление на престол.

30 марта
Учреждение Непременного совета.

15 сентября
Коронация.
Сближение с М. А. Нарышкиной.

1802 г.
21 – 22 апреля
Открытие университета в Дерпте.

8 сентября
Издание указа о правах и обязанностях Сената; учреждение министерств.

1803 г.
20 февраля
Издание указа о вольных хлебопашцах.

4 апреля
Учреждение Виленского университета.

31 октября
Назначение Н. М. Карамзина историографом.

1804 г.
9 июля
Утверждение либерального цензурного устава.

Август
Разрыв дипломатических отношений с Францией.

5 ноября
Основание Казанского университета.

1805 г.
17 января
Открытие Харьковского университета.
Вступление России в 3-ю антинаполеоновскую коалицию.

20 ноября
Поражение союзных войск в битве при Аустерлице.

1806 г.
Формирование 4-й антинаполеоновской коалиции.

3 ноября
Рождение дочери, Елизаветы Александровны.

1807 г.
13 июня
Встреча с Наполеоном на реке Неман.

25 июня

Подписание в Тильзите договоров о мире и союзе между Россией и Францией.

1808 г.
4 апреля
Смерть дочери, великой княжны Елизаветы Александровны.

15 сентября – 2 октября
Встреча с Наполеоном в Эрфурте.
Рождение внебрачной дочери, Софьи Нарышкиной.

5 сентября 1809 г.
Присоединение Финляндии к России.

1 января 1810 г.
Образование Государственного совета.

19 октября 1811 г.
Открытие Царскосельского лицея.

1812 г.
17 марта
Отставка М. М. Сперанского.

14 апреля
Прибытие к 1-й Западной армии в Вильно.

16 мая
Присоединение Молдавии к России.

12 июня
Переход Великой армии Наполеона через Неман; начало Отечественной войны 1812 года.

7 июля
Отъезд из армии в Санкт-Петербург.

5 – 6 августа
Сражение за Смоленск.

8 августа
Назначение М. И. Кутузова главнокомандующим.

26 августа

Бородинская битва.

1 сентября

Военный совет в Филях; принятие решения об оставлении Москвы.

7 октября

Выход наполеоновской армии из Москвы.

14 – 17 ноября

Разгром Великой армии Наполеона в сражении на реке Березине.

11 декабря

Прибытие к армии в Вильно.

25 декабря

Высочайшие манифесты об освобождении России от нашествия неприятеля и о сооружении в Москве храма Христа Спасителя.

1813 г.

Формирование 6-й антинаполеоновской коалиции.

20 апреля

Сражение при Лютцене.

8 – 9 мая

Сражение при Баутцене.

14 – 15 августа

Поражение союзников в битве под Дрезденом.

17 – 18 августа

Победа под Кульмом.

4 – 7 октября

Победа в «Битве народов» под Лейпцигом.

1814 г.

2 января

Торжественное открытие Императорской публичной библиотеки в Санкт-Петербурге.

20 января
Сражение при Ла-Ротьере.

13 марта
Сражение при Фер-Шампенуазе.

19 марта
Вступление в Париж.

18 мая
Заключение первого Парижского мирного договора.

Июль
Разрыв с М. А. Нарышкиной.

13 сентября
Прибытие на Венский международный конгресс.

1815 г.
13 марта
Образование 7-й антинаполеоновской коалиции.

28 мая
Подписание Заключительного акта Венского конгресса; присоединение к России герцогства Варшавского, получившего название царство Польское.

14 сентября
Учреждение Священного союза.

8 ноября
Заключение второго Парижского мирного договора.

15 ноября
Дарование конституции царству Польскому.

2 мая 1817 г.
Основание Ришельевского лицея в Одессе.

Сентябрь – ноябрь 1818 г.
Ахенский международный конгресс.

1819 г.
Учреждение Санкт-Петербургского университета.

Октябрь – декабрь 1820 г.
Троппауский международный конгресс.

Январь – май 1821 г.
Лайбахский международный конгресс.

Октябрь – декабрь 1822 г.
Веронский международный конгресс.

23 июня 1824 г.
Смерть внебрачной дочери, Софьи Нарышкиной.

1825 г.
1 сентября
Отъезд в Таганрог.

19 ноября
Кончина в Таганроге.

13 марта 1826 г.
Погребение в Петропавловском соборе.

notes

Примечания

1

Все даты даны по старому стилю.